

мариэтта чудакова

ДЕЛА
И УЖАСЫ
ЖЕНИ ОСИПКИНОЙ

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
АЛЫЕ
ПАРУСА

Дела и ужасы Жени Осинкиной

Мариэтта Чудакова

**Дела и ужасы Жени
Осинкиной (сборник)**

«WebKniga»

2012

Чудакова М. О.

Дела и ужасы Жени Осинкиной (сборник) /
М. О. Чудакова — «WebKniga», 2012 — (Дела и ужасы
Жени Осинкиной)

Эту неожиданную для себя и для читателей книгу написала Мариэтта Чудакова – знаменитый историк русской литературы XX века, известный в мире биограф и знаток творчества Михаила Булгакова. Увлекательное, остросюжетное повествование об опасных приключениях юной героини и ее верных друзей – Вани-опера, Тома Мэрфи, Скина, Фурсика и многих других – начинается в первом романе трилогии «Тайна гибели Анжелики», продолжается во втором – «Портрет неизвестной в белом» и заканчивается в третьем – «Завещание поручика Зайончковского». Реальная Россия наших дней, реальный риск, реальные опасности, самое реальное злодейство и самые подлинные самоотверженность, мужество и благородство – вот что привлекает к этим книгам и восьмилетних, и шестнадцатилетних читателей... Издание 2-е, исправленное.

Содержание

Тайна гибели Анжелики	6
Перед началом событий	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	49
Глава 16	51
Глава 17	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мариэтта Чудакова
Дела и ужасы Жени Осинкиной
Путешествие в трех томах, а также
необычные, ужасные и счастливые
истории, случившиеся во время этого
путешествия с Женей и с ее друзьями
Издание 2-е, исправленное

Евгении Астафьевой с любовью, верой и надеждой

Мариэтта Чудакова написала книгу для наших детей. И для нас... Не тратя времени на комплименты сюжету, фактуре (Женя движется в Сибирь на машине, мы вместе с ней успеваем много чего приметить), слогу, скажу, что считаю эту книгу большим событием. Ее обаяние и действенность, на мой взгляд, обусловлены тремя тесно связанными особенностями авторской стратегии.

...В нынешних приключенческих книгах, как правило, речь идет о спасении мира или страны. Женя и ее друзья спасают не мир, а конкретного попавшего в беду человека.

...Во-вторых, это серьезность тона.

...В-третьих, это уважение к героям и стоящее за ним уважение к юной аудитории.

...Чудакова пишет о том, как живет истинная Россия сегодня и как она сможет жить завтра.

...Две детективные истории перемежаются многочисленными экскурсами в историю русского XX века и живыми картинами.

...Женин отец думает: «Может, сегодня спасение страны именно в них? Вот в этих подростках? В тех, кто не успел еще убедиться, что от них ничего не зависит?.. И потому-то именно у них получается?..»

Андрей Немзер

Тайна гибели Анжелики

Перед началом событий

– Как дела? – спросила мама, глядя в зеркало и щурясь особенным образом на свое отражение.

– Мама, ты только не волнуйся, но...

– Только без ужасов! Я спрашиваю тебя о том, *как у тебя дела*, и именно о них – понимаешь? – хотела бы услышать.

Но Женья ничего не могла поделать с тем главным обстоятельством жизни, что у нее все шло впереमेжку и, как правило, на три дела приходилось не менее одного ужаса.

Когда Жениной маме было десять лет – на три года меньше, чем сейчас Жене, – она сказала родителям:

– Кто бы у меня ни родился, когда я вырасту, – мальчик или девочка, – я назову его Женей.

Так и случилось. Но, может быть, имя, годившееся и для мальчика, и для девочки, наложило на Женю особую печать, и именно оно было повинно в том, что заставляло папу вопрошать дочь с негодованием:

– Скажи мне, пожалуйста, ты – девочка или мальчишка-бандит? Да как ты могла решиться проникнуть в мужскую раздевалку и отрезать у мальчиков пуговицы на рубашках?!

– Но, папа, они нам в рюкзаки петарды засовывают! А они потом взрываются! И еще пакеты с водой! Представляешь? !

– Но это ведь мальчики. А ты – девочка!

Папа продолжал убиваться (почти, добавим мы от себя, по-женски – во всяком случае, сильнее, чем мама), а у Жени в дневнике продолжали появляться записи: «По-волчьи выла в классе», «Бегала по подвалу с мальчиками и взрывала пистоны».

– Ты учителей поэтами делаешь, – меланхолично заметила мама, расписываясь в дневнике. – В мое время писали просто: «Мешала вести урок» или «Плохо ведет себя на уроках». А ты такое выкомариваешь, что они мучаются в поисках слова.

Но это, конечно, было в детстве, класса до пятого. Женю давно волновали совсем другие вещи.

– Так могу я узнать, как у тебя дела?

– Дело в том, что...

– Так. Начинается!..

И в самом деле – нечто начиналось. Но что именно – ни Женя, ни ее мама, которая отправилась по делам, так и не получив ясного ответа на заданный вопрос, еще не знали и даже не подозревали.

Глава 1

Новости

Зазвенел телефон – мама звонила по мобильному:

– Ты дома? Я уже у подъезда. Откроешь мне? Опять забыла ключ!

Сейчас это было как раз очень кстати.

Женя сняла ногу со стены, захлопнула книжку, быстро вставила ее на полку – на место, между четвертым и шестым томом.

Она не поняла на последней странице одно слово, но у мамы спрашивать бесполезно. Она всегда отвечала одно:

– В доме не менее двадцати словарей. По крайней мере в трех ты можешь найти ответ на свой вопрос.

Пока мама ехала на лифте до 12-го этажа (Женя точно знала, сколько идет лифт: 55 секунд; за это время она успевала выучить четыре английских или три французских слова; английские слова почему-то запоминались быстрее), Женя думала, почему мама не разрешает ей читать рассказы Бунина. И еще поясняет:

– *Пока* читать его тебе незачем.

– А когда будет зачем?

– Когда повзрослеешь.

– А когда я повзрослею?

– Все в разное время взрослеют. Может быть, в восемнадцать лет. А может, и позже. Некоторые – вообще никогда.

– Если я не буду читать взрослые книги, я как раз никогда и не повзрослею!

Папа был на стороне Жени. При ней он с мамой не спорил – считал, видно, что это не-пе-да-го-гич-но. Но Женя, конечно, все, что ей надо, подслушивала – не такая обширная у них квартира, и вообще, если хотят секретничать, пусть выходят на улицу. И она подслушала, как папа говорил:

– Книг, которые читать рано, не бывает. Бывают только такие, которые читать поздно.

Женя была с ним согласна – однозначно, как любит говорить ее подруга Зиночка.

Это если все книги откладывать до восемнадцати лет, то потом в институте учиться некогда будет! Там ведь задают еще больше, чем в школе.

Женя услышала, как подъехал лифт, и побежала открывать маме дверь.

Были новости – мама через два дня отправляется в байдарочный поход на десять дней.

Родители всегда ходили на байдарке вместе. Женю они брали с собой с четырех лет, но только когда шли одни – или в «семейные» походы, с несколькими детьми. Потом Женя выросла, стала очень спортивной и в прошлом году заправски прошла с родителями по одной из рек Средней Карелии.

Папа только что улетел на две недели на конгресс в Мексику. Тут неожиданно заболел знакомый байдарочник, и получалось, что одна из байдарок пойдет с единственным гребцом, что в тяжелом походе не положено. Друзья уговорили маму присоединиться к ним. Поход предполагался очень трудный, в приполярной тундре, и Женю мама взять не могла.

Вообще-то они с мамой в первую неделю ее отпуска собирались совершить давно задуманное турне по подмосковным музеям-усадьбам. Теперь это дело откладывалось. А отправить Женю куда-нибудь из летней Москвы мама уже явно не успевала. На секунду у Жени мелькнула сумасшедшая мысль, что она останется на две недели одна. Одна!..

У нее мгновенно возникли очень серьезные планы на это время. Молнией пронеслось давнее жгучее желание взлезть в Интернет на всю ночь и, во-первых, найти и скачать наконец все, что относится к жизни ее любимого зверька – тушканчика, а потом сходить по

давно присмотренному и дважды наспех посещенному адресу ese4co.vis.ne.jp/shock-wave8/tamaneco.html. Она хотела посмотреть более внимательно древнюю-древнюю игру, в которую, когда ее еще на свете не было, играли некоторые люди целый день с заходом в ночь. И вообще заглянуть на oldgames.ru – старые игры, как и старые игрушки, Женю всегда интересовали, но днем ей сидеть в Интернете несколько часов подряд никто бы не позволил, а ночью, когда это, как известно, намного дешевле, – тем более. Но главное, главное – Женья враз решила, что вот когда она наконец сделает ремонт в своей комнате – и распишет стены!..

Давно был готов целый альбом эскизов и даже подкоплены небольшие средства. Но когда Женья пыталась представить себе, как говорит родителям: «Итак, дорогие папа и мама, в субботу я начинаю ремонт своей комнаты. Не беспокойтесь, я все сделаю сама – не оторву вас от ваших дел ни на минуточку! Но только сделаю так, как я хочу, – хорошо?» – она сразу видела, как на экране, очень выразительную реакцию родителей, причем обоих (в подобных случаях они всегда были заодно).

И тут на немой вопрос, ясно обозначившийся в округлившись Жениных глазках, мама, глянув искоса, ответила:

– А к тебе в тот же день приедет тетя Вера. Я с ней уже договорилась. Так что на вольницу не рассчитывай. Я бы и не поехала, если б не Вера. И сними, пожалуйста, ногу со стены, когда я с тобой разговариваю.

Вера, двоюродная мамина сестра, была любимой Жениной родственницей. Она звала ее не тетей, а по имени, и любила выкладывать ей все свои ужасы. Но – что скрывать? – перспектива остаться одной была сейчас гораздо соблазнительней общения с Верой.

Что делать, если обстоятельства, как любит говорить папа, сильнее нас. К тому же начать полукриминальный ремонт своей комнаты можно, пожалуй, и при Вере.

* * *

Через два дня очень ранним утром мама стояла у двери в джинсах, в синей футболке, с огромным рюкзаком на спине.

– Мапочка, ну какая же ты стройная! – воскликнула Женья. – И красивая!

– Итак, ты все поняла? – спросила мама. – Вера приезжает сегодня вечером, часов в десять. Не вздумай загулять где-нибудь со своей Зиночкой – у Веры нет ключа. Звонить я

в Москву не смогу: там мобильная связь не работает, переговорных пунктов тоже нет – мы пойдем в основном по ненаселенке. Папа, может быть, позвонит раза два из своей Мексики. Деньги ты знаешь где, на две недели вам хватит. НЗ – в ящичке под папиным компьютером. Без дела не бери, сама знаешь, что мы с папой деньги не печатаем – за это в тюрьму сажают. Ну, зверечек, – деловой мамин голос все-таки дрогнул, – будь хорошей девочкой, главное – не простуживайся, не болей!

Она расцеловала Женю в обе щеки и в носик, Женя, в этом году переросшая маму, нарочно сделала вид, что по привычке виснет на ней, и со словами «Спокойной ночи!» мама исчезла за дверью.

Проводить ее в лифте до машины, которая ждала внизу, она не разрешила. Так и на вокзале она не разрешала им с папой стоять до отправления поезда: вид близких, остающихся на отплывающей назад платформе, ее расстраивал. С виду суровая Женина мама была очень даже чувствительной – в отличие от многих с виду очень чувствительных.

А «Спокойной ночи!» ранним утром или среди бела дня, удивлявшее невольных слушателей, – в их семье это была традиционная формула прощания. Пошла она с детства Жениной мамы, когда ее мама, то есть, как поймет сообразительный читатель, Женина бабушка, вечно писавшая свои диссертации и книги по ночам (потому что весь день была на работе), грозно говорила маленькой дочери вечером, после сказок про слонопотамов:

– Я уже сказала тебе – *спокойной ночи!*

Это означало, что всякое нытье и канюченье («Посиди со мной!», «Водички!» и прочие приемчики) должно быть закончено – она наконец садится за свой стол и будет писать до трех ночи, потом немножко поспит и побежит на работу.

В первую минуту после маминого отъезда Женю охватила тоска. Но уже в следующую – непривычное чувство свободы.

Впереди было не менее 10 – 12 часов свободной жизни, и предстояло потратить их с толком.

Глава 2

Более серьезные новости

Один из вариантов пришел в голову сразу: взять немножко денег и отправиться с Зиночкой в «Макдональдс». Осуществить, наконец, давний замысел – съесть и мороженое, и молочный коктейль, и закусить горячим пирожком с вишней.

Второй вариант – пойти в кино на «Гарри Поттера». Если быстро и умело добыть и использовать нужную информацию, то можно, переходя из одного кинотеатра в другой, посмотреть две серии подряд – то есть сделать как раз то, против чего всегда решительно протестовали родители. Но если они уехали и нельзя спросить у них разрешения, значит, рассудила Женья, нельзя сказать, что она нарушает чей-то запрет.

К третьему варианту перейти не удалось, потому что зазвонил телефон. Звонок был резкий и частый: междугородный.

– Москва? Ответьте Тюкалинску.

Сквозь хрипы и шуршание пробился далекий-далекий голос.

– Женья, Женья, это ты? Это мама Олега.

Женщина замолчала. Слышно было, как она сдерживает рыдания.

– Отправили на пожизненное...

Дальше было непонятно, что-то про тьму.

– Что? Куда? – кричала Женья. И наконец разобрала:

– В Потьму, в Потьму!.. Женья, он не виноват, ты же знаешь... Его в милиции...

Дальше – про какого-то слоника, вовсе непонятное.

Голос то и дело прерывался, дрожал, прорывался сквозь слезы.

Женья не раз видела и слышала, как плачут, сама была не прочь иногда всплакнуть. Но тут было совсем другое.

– Женья, я тебе звоню просто потому, что больше уже некому. За что же, за что?.. На всю жизнь!..

– Не плачьте! – закричала вдруг Женья. Вернее, она сама услышала свой голос. С ней бывало так – в особые минуты. – Не плачьте! Этого не будет! Вы слышите? Я даю вам слово!

В трубке щелкнуло.

Женья сидела некоторое время с трубкой в руках, тупо слушая частые гудки. Потом положила трубку и вскочила. Надо было действовать. Раз совершилась несправедливость и человека за неизвестно чье преступление все-таки засадили на всю жизнь в тюрьму (а была надежда!..) – она, Женья, этого не допустит. Как именно – она еще не знала точно, но в ее голове уже вихрем завертелись варианты действий.

Тут мы должны сообщить читателю, что она с раннего детства любила слушать мамины разговоры по телефону – не подслушивать, а слушать, тихонько сидя в маминной комнате с ее разрешения. И когда в некоторых разговорах – как понимала Женья, с какими-нибудь начальниками, и не самыми хорошими, – мама произносила по-особенному спокойным, хорошо знакомым Жене голосом свою коронную фразу: «Я прошу вас иметь в виду: я не остановлюсь!» – у Жени пробегал холодок сразу и по спине, и где-то около желудка.

Надо сказать правду, Женья кое-что переняла от своей мамы. Была ли это генетика или повседневный в течение тринадцати лет опыт общения с этой, пожалуй, незаурядной женщиной – мы не беремся утверждать с определенностью. Ведь для этого, во всяком случае, надо быть генетиком! Правда, теперь о генетике берутся рассуждать все кому не лень – и некоторые даже смело заявляют о *гибели генофонда* в нашей стране. Но мы ни за что не пополним ряды этих всезнаек. Так вот, в результате того или другого, но у Жени сложился такой характер, что если она за что-то бралась, то каким бы трудным и даже казавшимся невыполнимым ни было это дело – она, не останавливаясь, шла до конца («Как танк!» – говорила Зиновья с восхищением, смешанным с ужасом), пока не достигала желанного результата. Как правило, это касалось не ее собственных дел и маленьких делишек, а чьих-нибудь. Но сейчас не время останавливаться на этом подробно.

Собраться с мыслями Женья не успела – телефон тут же зазвонил снова.

– Москва? Ответьте Чукавину.

Какому еще Чукавину?.. Но тут же, слава Богу, сообразила – это была усадьба Чукавино, возле которой жила ее тетя Вера.

– Это соседка Веры Игнатьевой говорит. Мы ее сегодня в больницу отправили – острый аппендицит. Она просила вас предупредить – типа вы ее сегодня ждете...

Да, такого поворота предусмотрительная Женина мама не предусмотрела. Правильно говорит одна бабушкина знакомая: «Человек предполагает, а Бог располагает».

И долго потом Женья со стыдом вспоминала, что сообщение Верыной соседки ее почти обрадовало. Аппендицит – это значит минимум пять дней в больнице. Потом – сколько-то дома.

Это значило, что Женья получала неожиданную возможность заняться всерьез делом Олега Сумарокова. Тут же ремонт комнаты и прочие замечательные замыслы разом испарились из головы, и стал складываться новый жизненный план. В течение получаса ей стало ясно, что важнейшим шагом становилось посещение Фурсика. К этому-то она и начала деятельно готовиться. А далее были намечены еще несколько визитов.

Глава 3 Фурсик

Фурсик оглядел вагон. Далеко в углу двое парней обняли с двух боков девчонку – довольно старенькую, лет 17, не меньше. Им было ни до кого. Больше в вагоне ни души – время позднее.

Он сел и стал все готовить: поставил ранец на колени, расстегнул, быстро достал нужный листочек, пузырек с водой, открутил его, смочил водой тыльную клейкую сторону листочка и, дождавшись момента, когда поезд стал замедлять ход, приближаясь к станции, встал, повернулся к окну, уперся одним коленом в сиденье и быстрым движением нашлепнул на темное оконное стекло листочек. На нем было четко написано черным маркером:

«Встань, приятель! Эти места – не для нас с тобой. Уступи их женщинам и пожилым людям!»

Поезд остановился. Фурсик быстро выскочил из вагона и двинулся к выходу из метро. На сегодня намечено было объехать четыре станции.

Ему нужно на выходах из метро наклеить листочки на те самые свободно болтающиеся стеклянные двери, сквозь которые многие люди проходят бодро, энергично толкая дверь вперед. И дальше уже не беспокоятся о ее свободном полете назад. Правда, есть и те – и таких, Фурсик видел, тоже было немало, – кто обязательно придерживает дверь и дожидается того момента, как ее перехватит идущий сзади.

Наблюдая, Фурсик выявил некоторые закономерности. Придерживали дверь по большей части те, кому делать это было трудно, – женщины, нагруженные тяжестями, и довольно старые люди. А чем больше был полон жизни и энергии проходящий через такую дверь человек, тем большую опасность представлял он для тех, кто шел за ним. Люди не делали так

нарочно, они не были злыми. Они просто заняты только собой, как дети, щенки или котята. Не помнили или не понимали, что вокруг них – люди. Точно такие же, как и они сами.

И Фурсик видел однажды, как тщедушную старушку – из тех, про которых говорят «в чем душа держится» или «божий одуванчик», – дверь сбила с ног так, что она отлетела. Он помогал ей подняться, и старушка, поправляя платок, только приговаривала: «Батюшки, охранил Господь – все болит, но вроде цела». Фурсик, впрочем, вовсе не был в этом уверен – он рос в медицинской семье и знал, что трещина в кости может обнаружиться и позже.

С того дня он и стал клеить на эти жизнеопасные двери свои предупреждения:

*«Обязательно, обязательно придержи дверь – сзади идет чья-то мама
или бабушка!»*

Фурсик был уверен, что это не может не подействовать.

И был, конечно, прав.

Когда наутро ни свет ни заря к нему заявила Осинкина, он еще спал – после тяжелого трудового дня. Быстро вскочил, наскоро ополоснул физиономию – и они долго шептались о чем-то в его комнате. Следует, пожалуй, добавить, что Фурсик был одним из самых верных товарищей, на которого можно при случае полностью положиться. То есть – именно таким другом, иметь которого мы от души пожелали бы каждому читателю. Именно он по замыслу Жени должен был стать Координатором.

В конце разговора она вручила Фурсику большой пухлый конверт – и бегом побежала дальше.

Вскоре ее можно было видеть уже на другом конце Москвы, недалеко от Новодевичьего. Именно там, в доме с видом на маковки монастырских церквей, жила Маргаритка.

Глава 4 Маргаритка

В доме с утра был переполох.

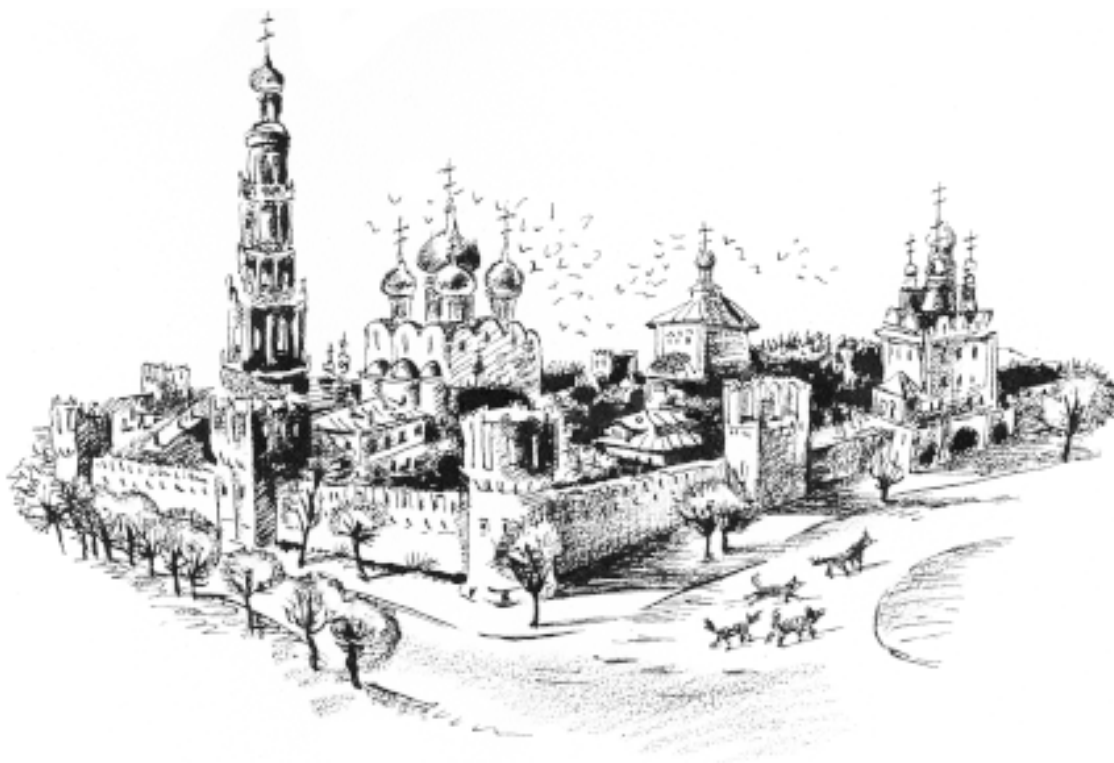
Выпускница той же школы, где училась Женя, и старшая ее подруга Маргаритка, вместо того чтобы сидеть с семи утра за учебниками (все лето шла подготовка к экзаменам в Высшую школу экономики), уже давно ползала по полу, заглядывая под шкаф, под тахту и даже под холодильник.

– Ну где ежишка? Что он, с двенадцатого этажа, что ли, убежал? Так и протопал по лестнице до первого?..

Женя стояла в ожидании.

– Ой, вот он!

И Маргаритка стала палкой выгребать что-то из самого дальнего угла под тахтой.

– Ой, какой он толстый! Что это он так растолстел, а?

– Ест хорошо, – сказала Маргариткина мама. – Всю ночь молоко лакал – три блюда вылакал.

А высокий, спортивный Маргариткин отец повел себя странно – выскочил из комнаты и в кухне, видела Женя из коридора, стал беззвучно сотрясаться, наклонясь над столом.

– Надо же – за ночь так разросся!

При этих Маргариткиных удивленных словах ее мама выскочила вслед за отцом. Он же, оставаясь в кухне, зажал себе рот ладонью и только глядел на жену выпученными глазами. А она уткнула лицо в ладони и тоже затряслась!

Так ничего и не поняв, озабоченная своими мыслями Женя пошла за Маргариткой, которая, ловко подхватив ежа ладонями под живот, понесла его в свою комнату.

Там они долго шептались. Результатом этого шепота стали переговоры Маргаритки по мобильному с неведомым Стасом:

– Дело идет о жизни человека... При чем тут киллеры? Не заказали, а посадили. ... Сколько сможешь, Стас. Если не можешь свои – переговоры с вашим генеральным. Он же интересуется правами человека. Вот тут и нарушено право человека на свободу. Ты понимаешь, что такое – пожизненное? Читал про «позу Ку» в «Известиях»? ... Совершенно невинен, Стас, можешь мне поверить. Мы все хорошо его знаем. Он не из тех, кто убивает, а из тех, кто спасает. Вот все и были уверены, что его в конце концов оправдают – по кассации. Да, можешь считать, что оказались наивными. Сегодня, сегодня, Стас. Крайний срок – завтра рано утром.

Женя слушала и глядела на говорившую во все глаза.

Это была совсем не та Маргаритка, которая только что ползала по полу, разыскивая своего ежишку. Теперь она говорила с приятелем – успешным предпринимателем. И казалось – по тону этого разговора и по самим словам, что она давно учится в одном из самых престижных вузов страны (куда, как известно читателю, только готовилась поступать), а может, уже и закончила его.

После Маргаритки набрала чей-то номер и Женя, кратко предупредив кого-то, что минут через 35 – 40 она у него появится.

Далее путь Жени лежал к любимым москвичами Патриаршим прудам, точнее – на Малую Бронную.

Что касается странного поведения Маргариткиных родителей, вызвано оно было следующим обстоятельством, которое, тайком от нее, будет открыто читателю, пока Женя преодолевает немалый путь от Пироговки на Патриаршие. Маргаритке же не суждено будет узнать об этом обстоятельстве долго-долго – до того времени, когда она сама обзаведется дочкой, и Маргариткины родители решат рассказать эту историю дочери и внучке – в неизвестно какое назидание.

Дело в том, что отец Маргаритки привез ей с дачи маленького ежонка – то ли отбившегося от матери, то ли потерявшего ее в ночной схватке с неведомым ему врагом. Отец хотел как-то скрасить дочери целодневное сидение за учебниками в жаркие летние дни. Из-за жары занятия шли в основном на балконе. И действительно – Маргаритка уверяла, что Ежишка – такое имя ему она дала – ей очень помогает. Она зубрила, а он цокотал коготками по балкону или спал, свернувшись в колючий клубок.

Но родители не знали, что именно ежата, в отличие от взрослых ежей, в неволе не выживают. И вчера поздно вечером, когда Маргаритка уже спала, ежонок вылез на середину комнаты и умер.

Родители держали семейный совет. Конечно, жалко было ежонка (отец вынес его из дома и где-то зарыл), но их волновала дочь: очень любившая животных Маргаритка могла, по их мнению, сильно расстроиться и вообще выпасть из плотного графика занятий.

Тогда Маргариткина мама, склонная, как и Женина, к нетрадиционным решениям, решила в шесть утра, пока дочь спит, поехать на Птичий рынок, купить там маленького ежа и запустить в дом. По-видимому, в мамином сознании или в подсознании застряла сказка, которую она в Маргариткином детстве читала ей вслух, – о том, как еж соревновался с зайцем в беге. Там весь обман простодушного зайца основан был на полном сходстве одного ежа с другими: иголки и иголки. Маргаритке и уготована была теперь роль этого простодушного зайца.

Но ни маленького ежонка, ни среднего даже ежа на всем Птичьем рынке в то утро не нашлось. Ищущей объяснили: недавно пошел слух, что ежачий жир лечит от каких-то болезней, и теперь для этой сомнительной цели живодеры скупают ежей. Пришлось забирать единственного, который был раза в три больше и толще погибшего.

Маргаритка, как мы видели, сильно удивлялась, но обмана не заподозрила. И именно это заставляло ее отца, а потом и мать давиться от смеха и выбегать в кухню, чтоб дочь не увидела и не заподозрила неладное.

Вновь забегаю вперед, сообщим также, что Маргаритка с еще большим рвением продолжила свои занятия и в Высшую школу экономики поступила. А о невинном родительском обмане в последующие годы так и не догадалась.

Глава 5

Дима

Женя шла к дому, твердо и быстро ступая, будто отталкиваясь при каждом шаге от земли. Казалось странным, как это не заплетались при ходьбе ее ноги, начинавшиеся, как говорила одна подруга ее мамы, даже не от шеи, а прямо от ушей.

Если б кто посмотрел сейчас на Женю со стороны, он, возможно, нашел бы, что у нее слишком неподвижное, не по возрасту не улыбочливое лицо.

Диме такие мысли в голову не приходили.

Он смотрел на нее из своего окна не отрываясь.

Когда-то Дима прочел в рассказе про одну высокую девочку, что у нее рук и ног было *много*, и это-то влюбленному мальчику особенно нравилось. Теперь он чувствовал что-то похожее.

Если бы кто попытался залезть сию минуту в его красиво постриженную, плюшевую на ощупь голову, то, наверное, разглядел бы там такие быстро-быстро, быстрее, чем в любом компьютере, бегущие строчки: «Какое милое личико. Какие глупые лица у других девчонок, особенно когда они смеются во весь рот! Какой маленький ротик – будто какой-то невиданный цветочек. Как я люблю ее ротик, и глазки, и тонкие бровки, и тонкие ручки, и длинные-длинные стройные ножки. Как мне нравятся ее волосы – не длинные пряди, неряшливо падающие на плечи и грудь, как у Синицыной, а легкие короткие волосики цвета расплавленного золота. Они стоят как облачко, так и хочется их пригладить и почувствовать под ладонью ее теплую головку...»

Но если бы тот, кто проник в Димины мысли, записал их и дал ему прочесть, то Дима, наверно, страшно бы удивился. Сам он не мог и не пытался выразить словами то, что чувствовал, когда смотрел на Осинкину.

Что касается золотистого облачка над Жениной головой, тут стоит упомянуть случившуюся с ней необъяснимую историю.

Дело в том, что до десяти лет волосы у Жени были такие же золотистые, но совершенно прямые. Мама делала ей обычно стрижку «каре». Но в десять лет Женя убедила маму постричь ее на лето совсем коротко. И одновременно заболела каким-то азиатским гриппом с температурой почти 41. А когда выздоровела, обнаружилось, что ее подрастающие волосы уже не хотят ложиться ровными прядями, а предпочитают топорщиться – таким пушистым ореолом. В чем была истинная причина этой метаморфозы, установить не удалось. Но теперь их приходилось часто подстригать, чтобы они стояли все-таки облачком, а не дыбом.

Усадив Женю в ее любимое кожаное, цвета кофе с молоком, «утопающее», как она его называла, и в то же время вертящееся кресло, Дима сел напротив на стул и стал молча (а молчать он умел) внимательно ее слушать.

И когда Женя закончила, он сказал.

– Женя, я все понял. Все сделаю. Позвони мне, пожалуйста, вечером – начиная с девяти.

И благодарно коснувшись пальчиками его плеча, Женя сделала его на несколько дней счастливым, а сама помчалась дальше.

Путь ее лежал теперь к Лике.

И это должен был быть самый трудный, но очень важный визит.

Если бы он оказался безуспешным, все три предшествующих встречи потеряли бы всякий смысл.

Надо было попробовать убедить главного свидетеля в пользу Олега наконец заговорить.

Глава 6

Лика

Лика встретила Женю в красивом халате – не в таком, который спешно снимают при звонке в дверь и чем-нибудь заменяют, а наоборот – таком, в котором гостей принимают.

Точнее же говоря, это было самое настоящее, темно-синее с золотом японское кимоно, из Японии и привезенное.

Женю Лика (для незнакомых – Лидия) увидела впервые и встретила – после ее звонка с просьбой повидаться – мило и дружелюбно, с живой улыбкой на очень и очень привлекательном, по мнению многих, лице, окаймленном белокурыми прядями. Они красиво загибались с обеих сторон почти к подбородку.

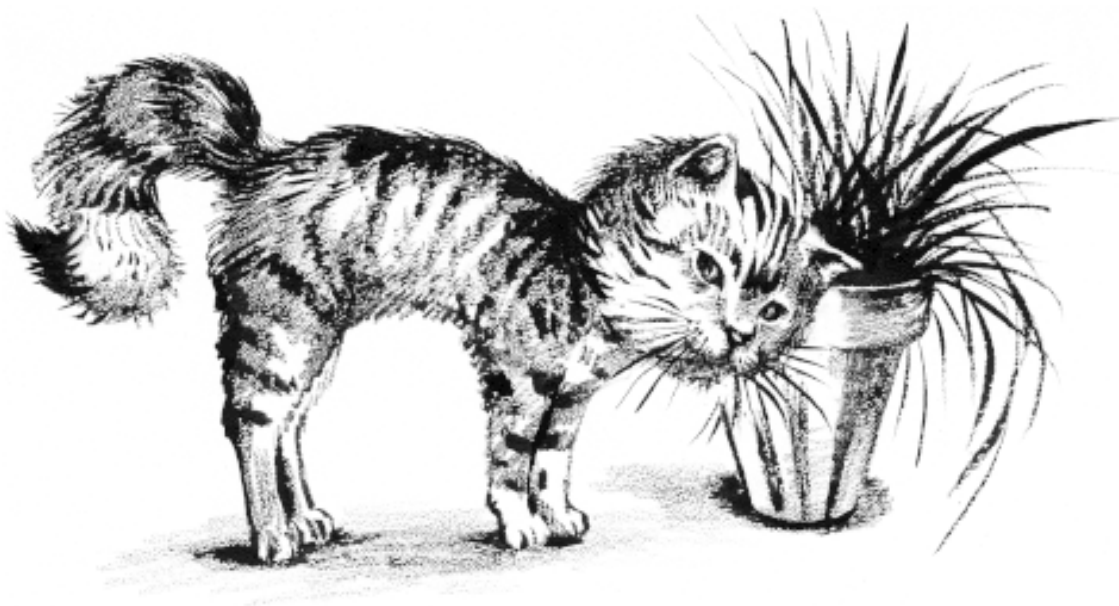
Но по мере того, как Женя быстро, но не спеша и не тараторя, очень толково излагала причину и цель своего визита, улыбка с Ликиного лица сползала. А в конце Жениной речи девушка, казалось, вообще постарела лет на десять.

– Я думала, кассационный суд его оправдает, – пролепетала она.

Надо отдать Лике должное – не задавая лишних вопросов, она тут же согласилась написать все то, о чем Женя ее просила. И ушла в другую комнату писать.

Женя в это время сидела в холле и играла с котом Грэм.

Это был тот еще котик! Дело в том, что Лика недавно уезжала в Европу на месяц, а Грэм на это время с восторгом согласился взять к себе ее однокурсница, остававшаяся на лето в Москве, – корейка Соня (настоящее ее имя было, конечно, иным, но она настаивала, чтобы московские друзья звали ее именно так). А когда Лика вернулась и позвонила, чтоб забрать кота, Соня смущенно сказала, что Грэю было очень жарко и она вызвала специального парикмахера, чтобы тот его постриг.

– Как – *постриг*?!

– Ну, у нас всегда стригут котов летом. Это художественная стрижка. Очень красиво.

– Всего-всего постригли?!

– Нет, не всего. На голове и на лице он пушистый. И на хвосте тоже.

И вот теперь этот невиданный в московских краях голый кот выгибал спину с обнаружившимися на короткой шерстке шикарными серебристо-серыми мраморными разводами, поднимал пушистый хвост трубой и только что не подмигивал, жмурясь всем своим пушистым *лицом*, желая спросить: «Ну и как я вам нравлюсь?»

Лика вышла заплаканная.

– Возьми, Женя.

Она протянула исписанные листы бумаги, уже вложенные в прозрачный файл.

– Сделай где-нибудь ксерокс, прежде чем отдашь. Пусть у меня копия будет. А то я без копирки писала, как-то не подумала – привыкла на компьютере. Ты веришь, что еще можно что-то сделать?

– А ты веришь, что нельзя, да? – Лика казалась такой юной, что у Жени не повернулся язык называть ее на вы. – Значит, мы с тобой будем жить-поживать и добра наживать – а Олег пусть сидит в тюрьме? Станет там взрослым дядькой, потом стариком? Да?!

У Лики снова закапали слезы. Она стала промокать их не бумажным платочком, как все или почти все, а маленьким изящным батистовым.

Женя не стала ей говорить того, что само напрашивалось на язык: если бы *тогда* Лика сделала то, что сделала сейчас, – *сегодня* ей, скорее всего, не пришлось бы плакать. Не стала говорить, потому что знала – Лика и сама это понимает, потому и плачет.

Впрочем, возможно, для Ликиных слез были и другие причины. На ее столике стояла маленькая, в тонкой рамке фотография красивого темноволосого молодого человека. Это был не Олег. И мы совсем не знаем того, что, возможно, хорошо представляла себе Лика, – как именно прореагирует этот появившийся за последние месяцы в ее жизни человек на ее откровенные показания относительно одного мартовского вечера.

В этих показаниях помимо несомненного Олегова алиби была и еще одна важная деталь. Самым главным было упоминание о старой замызанной куртке, в которой был Олег в тот злополучный вечер. Женя считала, что еще есть шанс найти упомянутую Ликой записку Олега. Если бы речь шла о *новой* куртке – можно было бы, в сущности, и не ехать. Пока мы не можем, к сожалению, выразиться яснее, но обещаем, что постепенно все прояснится.

Теперь оставалось добежать до телеграфа и дать несколько телеграмм (e-mail'a – или *емелек*, как предпочитали говорить Женины друзья и одноклассники, в тех домах, куда направлялись телеграммы, еще не было). Там же на почте – сделать ксерокс с Ликиных показаний. И позвонить с переговорного пункта – с домашнего телефона она звонить не хотела, чтобы потом, когда придут счета, не вести ненужных разговоров с родителями про звонки в разные города и поселки. А с мобильного звонить по межгороду дорого, а тратить деньги перед дальней дорогой, которая ей предстояла, было совсем ни к чему.

Пока Женя сидела у Лики, на улице сильно похолодало. Прошел ливень, еще моросило, и резкий ветер обдавал холодными меленькими каплями лицо.

Ближайшим было метро «Профсоюзная». На захлюзданном каменном полу в продувном переходе, в котором и на секунду трудно задержаться из-за пронизывающего ветра, белел затоптанный белый квадратик.

Неизвестно почему Женя наклонилась на бегу и подняла его. Это была ее фотография.

Глава 7

«Не пилите опилки!»

Если бы некто взялся специально разыскивать двух тринадцатилетних девочек, разительно отличных одна от другой, то не нашел бы более подходящей для этого пары, чем Женя и ее любимая подружка Зиночка Опракундина. Воистину можно было бы сказать о них бессмертными пушкинскими строками, разученными за полтора с лишним века десятками поколений: «Они сошлись: волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой».

Главным занятием Зиначки было горестное сожаление о прошлом – и только что минувшем, и очень давнем. То и дело раздавались ее певучие (голос у Зиначки звучал очень приятно) причитания:

- Ой, надо было мне не так сделать!
- Ой, зачем только я это сделала?
- Как жалко кошелечка! – А когда ты его потеряла? – В первом классе.
- Эх, если бы я купила не это, а то!..
- Ах, ну почему родители не учили меня музыке?

(Хотя, заметим в скобочках, прекрасно знала, *почему* – во-первых, дома не было инструмента, во-вторых, денег, в-третьих, не имелось в наличии ни малейшего Зиначкиного желания – напротив, налицо была готовность изо всех сил противиться такому намерению, и родители сдались заранее, не пожелав ввязываться в изнурительную войну: они знали Зиначкину твердость в отстаивании своих интересов.)

Она без конца горевала о том, что если бы не то и не это, то ее жизнь сложилась бы прекрасно. А теперь – чего уж... Женя, наоборот, каждый день, едва ли не с трех лет, а по уверениям папы, и раньше, стремилась подчинить себе обстоятельства. (Она еще ходить не начала, а папа утверждал, что эта девочка всегда прекрасно знает, чего хочет.) Зиначка

же начинала день с того, что заранее пасовала перед грядущими обстоятельствами, заранее уверенная, что *уже поздно* что-либо изменить. Это, впрочем, не мешало ей быть с первого класса круглой отличницей, чем Женя могла похвастаться только начиная с седьмого, когда, по выражению папы, взялась за ум.

Как-то в однодневном походе не оказалось с собой в лесу достаточно воды. Всех мучила жажда, но причитала одна Зиночка. Женя умудрилась достать для нее воды и напоить, и вскоре сзади послышался стон:

– Ах, как же я *хотела* пить!..

Точно такой же была и мама Зиночки. Если к ней приходила соседка выпить чашечку кофе (который, надо отдать должное, Зиночкина мама варила на пять с плюсом), то вскоре любой, кто стал бы подслушивать, услышал:

– Ах, я теперь понимаю, что напрасно отдала Зиночку в английскую школу – надо было во французскую!

Она объясняла – и вполне убедительно, – что во французской школе «совсем другая атмосфера – понимаете, французский люди сегодня учат для собственного удовольствия, а английский – для бизнеса. Большая разница!» Все было правильно, кроме одного – обсуждать эту тему не имело уже никакого смысла. На этот счет есть, кажется, как раз английская пословица, которая переводится – «Не пилите опилки!»

Женя обычно тщательно обдумывала свои решения – по любому поводу, от мелкой покупки до серьезных поступков. Но уж приняв решение и выполнив его, она, в отличие от Зиночки, никогда не предавалась бесплодным сетованиям – даже если решение оказывалось в результате не самым удачным. В этом случае она думала только о том, как свести на нет или уменьшить обнаружившийся вред. То есть – не о *прошлом*, а о *будущем*.

Любимым занятием Зиночки после уроков, которые она готовила молниеносно, было влезть в Интернет и висеть в нем, главным образом в чате. С особенной страстью она предавалась этому разговору всех со всеми в реальном времени по воскресеньям. И каждую субботу, расставаясь, спрашивала Женю:

– Ты завтра пойдешь чатиться?

– Зачем? – неизменно интересовалась Женя.

– Ну... пообщаться!

– Давай сейчас пообщаемся? – предлагала Женя. И Зиночка начинала смеяться. Она вспоминала, что то же самое Женя отвечала ей и в прошлую субботу, и в позапрошлую, а лучшая подруга все никак не могла привыкнуть к стойкому Жениному равнодушию по отношению к этому замечательному занятию. Зиночку немного утешало то, что за новыми клипами Земфиры они следили все-таки вместе.

Эта разнота, повторим, ничуть не мешала им дружить, делиться самыми сокровенными тайнами и нежно любить друг друга.

Теперь Женя спешила хоть ненадолго забежать к Зиночке, чтобы попрощаться перед отъездом.

Она, конечно, не собиралась рассказывать ей о таинственной находке (зачем волновать подругу, которая и без того взволнуется ее неожиданным отъездом, в особенности же – его причиной). Эта находка – поднятая ею в грязном подземном переходе фотография – казалась Жене все более и более зловещей. Она надеялась повнимательней рассмотреть дома свое изображение и тогда уж раскинуть мозгами, что к чему.

Глава 8

Последний московский вечер

На переговорном пункте была особая атмосфера тихой торжественности.

Люди сидели в ряд, будто в оцепенении. Раздавался возглас: «Караганда – пятая кабина» – и человек срывался и, теряя вещи, упавшие с колен, устремлялся в кабину.

Сквозь стекла были видны лица, беззвучно шевелящие губами. Кто улыбался – лукаво, кокетливо или размягченно. Кто плакал, сообщая печальную новость.

Женя два раза поговорила по автомату и два раза заказывала срочную связь с теми нужными ей местами, с которыми автоматической связи не было.

Отправив три телеграммы (оставалось послать дома еще два письма по e-mail'у) и сделав копии с Ликиных бумаг, она отправилась домой. У Зиновки Женя уже побывала, хотя провела у нее времени гораздо меньше, чем им обоим хотелось. Зиновка в ужасе таращила свои карие глазки, слушая торопливое изложение ситуации, которая звала ее любимую подругу в дальнюю и, возможно, опасную (Зиновка была-таки порядочной трусихой, но за других боялась еще больше, чем за себя) дорогу.

– Но что же ты можешь сделать?! – несколько раз восклицала Зиновка, слушая Женин рассказ. И всякий раз тут же сама отвечала: – Да, ты, конечно, можешь...

Под конец подружки нежно расцеловались, и Зиновка еще, как выучила ее бабушка, перекрестила Женю перед таким дальним путешествием, стараясь при этом не спутать и начать с правого Жениного плеча, которое, как вы уже поняли, было напротив Зиновкиного левого.

В девять вечера Женя, как было условлено, уже из дома позвонила Диме, сообщила о своих успехах и стала слушать его.

Спокойный, медлительный Димин тон всегда действовал на нее, как на бабушку вальерьянка. (Правда, Женя так и не могла понять, как может кого-то успокаивать такое лекар-

ство, от одного запаха которого бабушкин Рыжик сходит с ума и начинает прыгать на стены и когтить ковер и диван.)

– Женья, отец все сделал. Завтра в шесть утра – он советует выезжать рано утром, позже по Кольцевой не протолкнешься, – у твоего подъезда будет стоять черная «Волга». С тобой поедут два водителя-«афганца». Они молчаливые мужчины; ты не обращай на это внимания. Это очень верные ребята, папа сказал, что с ними он будет за тебя спокоен. Крупные деньги – Маргаритка, ты говоришь, твердо договорилась? – лучше отдай на хранение им, целее будут, как отец мой выражается. Машина пойдет без остановки, водители будут спать по очереди. Тебе тоже предстоит спать в машине, на заднем сиденье; возьми небольшую подушку, чтобы укрыться, воды бутылку – чтоб время не терять на остановки.

Женья была растрогана. Слушая, она так и не смогла понять – это сам Дима так все заботливо продумал или повторяет за отцом.

Звонки все сделаны, телеграммы отправлены. Всем сообщен телефон Фурсика – у него в квартире будет штаб операции, все станут связываться через него. Фурсик при ней взял чистую тетрадку и написал на обложке: «Операция "Потьма"».

Такое название он дал, выслушав рассказ о звонке матери Олега, и Женья согласилась. В этой никому из них неведомой Потьме сидел в камере с убийцами Олег и ждал помощи – от кого-нибудь.

Фурсику Женья оставила дубликаты необходимых документов, в том числе неважного качества фотографию улыбающейся миловидной девушки, которой уже не было в живых.

Едва Женья успела подумать, что крупных денег пока еще нет – только те, что оставлены мамой на две недели, как раздался звонок в дверь.

Женья спросила через дверь (как на этом всегда настаивал папа):

– Кто здесь?

Высматривать стоящего у их двери в глазок она все-таки терпеть не могла и так и не привыкла.

Ей ответили:

– К Евгении Осинкиной от Станислава Всеволодовича, по договоренности.

Женья открыла.

На пороге стоял невысокий тщательно одетый – не джинсы, не ветровка, а пиджак оливкового цвета и темно-серые брюки – молодой человек. Очень любившая красивые сочетания цветов (и неплохо, заметим, рисовавшая пастелью и акварелью), Женья успела рассмотреть и галстук – серо-голубой в оливковую, но более темную, чем пиджак, полоску. Человек будто только что вышел из парикмахерской. Стрижка была и не короткая, и тем более не длинная. В общем, точь-в-точь такая, как у добропорядочных служащих богатых фирм в американских боевиках. (Папа стыдил Женю, но она все равно обожала смотреть, что проделывает на телеэкране де Ниро.)

– Позвольте войти?

– Входите, пожалуйста, – подчиняясь его тону, чопорно сказала Женья и провела визитера в комнату, потому что раз и навсегда было сказано мамой: «У дверей людей не принимают!»

Слава Богу, молодому человеку, по крайней мере, не пришлось в голову разуваться. Принимать гостей в носках или переобувать их в старые тапочки в их доме также было запрещено: «У нас не мечеть!» – четко, как всегда, сказал однажды папа. Женья только не решалась повторять эту очень нравящуюся ей мотивировку (что в мечеть можно входить только без обуви, папа, конечно, ей пояснил) – в устах девочки это как-то не звучало. Исключение в их доме делалось только для тех случаев, когда в осеннюю слякоть или зимнюю оттепель гости являлись с насквозь промокшими ногами и нуждались в обогревании и просушке обуви. (Из этих оттепелей, заметим в скобках, на коротком Женином веку и состояли главным обра-

зом московские зимы, и уже невозможно было поверить рассказам бабушки о когда-тошнем Сокольническом катке, работавшем якобы с пятого декабря до середины апреля). Ну и, конечно, приходя на какие-то домашние праздники зимой, женщины снимали сапоги и надевали принесенные из дому подобранные к платью туфли. «Но не тапочки же!» – говорила мама.

– Имею честь говорить с госпожой Осинкиной? – осведомился молодой человек.

– Да, это я, – ответила Женя.

– Получите, пожалуйста... – молодой человек назвал сумму, составлявшую, быстро сосчитала в уме Женя, полугодовую зарплату ее отца, – пересчитайте и распишитесь.

Все было проделано, и, раскланявшись, молодой человек удалился. Маргаритка, как и ожидала Женя, оказалась на высоте.

Полтора часа ушло на сборы, приведение квартиры в порядок и писание объяснительной записки маме – если вдруг она вернется раньше Жени.

Можно было, наконец, заняться абсолютно необъяснимой историей с ее фотографией.

Теперь, быть может, самое время сказать, что Женя не была заурядной тринадцатилетней девочкой, чья головка занята тем, чем заняты головы большинства тринадцатилетних девочек. Она обладала склонностью к анализу. И не раз ей удавалось распутывать ситуации, над которыми ломали голову взрослые опытные люди. Сама она считала, что просто любит упрощать уравнения.

Большинство людей почему-то не умеют, считала она, отделять важные детали от второстепенных. И когда какая-нибудь подружка излагала ей, всхлипывая, свою вконец, казалось, запутанную историю, из которой, на первый взгляд, и правда не было никакого выхода, Женя наводящими вопросами быстро выясняла, что в этой истории надо отбросить как вообще несущественное, а что можно легко разрешить, никак не связывая со всем остальным. И тогда в остатке оказывалось само ядро ситуации. Оно, как правило, требовало, чтобы человек сделал *выбор* – и на основе этого принял решение. Но не только принял, а – выполнил. Все это требовало приложения *воли*. Женя где-то вычитала, что один очень известный философ утверждал: в трудных ситуациях выбор делается не умом, а волей – потому что ум подсказывает одинаково убедительные варианты действий.

Но волей, к сожалению, обладают далеко не все жалующиеся на жизнь и винящие во всем других – вместо того чтобы честно сказать: «Я – безвольный человек и ничего не делаю для того, чтобы укрепить свою волю. Отсюда – половина моих бед, а то и больше».

Сама Женя была человеком волевым. А кроме того, она просто любила и умела *думать* – тогда как большинство девочек ее возраста, да, честно говоря, не меньше и мальчиков, и не подозревают о том, сколько удовольствия можно извлечь из самого процесса *мысли*.

Итак, Женя положила фотографию на чистый, освобожденный от всех лишних бумажек стол и вытащила из ящика большую лупу.

Во-первых, даже при беглом взгляде на довольно-таки размытый отпечаток стало ясно, что это была перепечатка – не с негатива, а с фотографии.

Во-вторых, фотография была давняя – Жене на ней не больше десяти лет.

В-третьих, она была скадрирована из какого-то группового и Жене явно знакомого снимка.

Она взяла семейные альбомы, которые тщательно вел ее папа, и быстро нашла оригинал. Это была фотография 4 «Б» класса, где Женя красовалась во втором ряду ближе к середине (тогда она еще не выросла и не заслоняла собой третий ряд).

Таинственная ситуация упрощалась – то есть прояснялась в технической части. Итак, некоему человеку понадобилась Женина фотография. И он не добыл ее каким-то образом у них дома (что было бы уже не только загадочно, а в высшей степени неприятно – пришлось

бы плохо думать о друзьях дома). Нет, он нашел ее у кого-то из тридцати двух учащихся 4 «Б» и скадрировал только Женино лицо.

Значит, оно ему было очень нужно. И при этом он по какой-то причине не мог попросить Женину фотографию у кого-то из ее близких и друзей. И потому добывал с ухищрениями, удовольствовавшись давней фотографией. Если, конечно, фотография не понадобилась неизвестному злоумышленнику (Жене нравилось это слово из рассказа Чехова) именно в тот самый год, когда Жене и было десять лет, а теперь выброшена за ненадобностью.

Но как ни крути, все это вместе не могло не наводить на мысль, что Женино лицо нужно было кому-то для особых целей – по меньшей мере недружелюбных, а по большей...

Кто-то задумал против нее что-то злое. Но кто и что? И когда – давно или сейчас?

С этими очень невеселыми мыслями и вопросами Женя и заснула.

Глава 9

Саня и Калуга выдвигаются

В шесть утра Женя полностью отключила компьютер, перекрыла ключом газ на кухне, проверила, не оставила ли где свет, не капает ли вода из какого-нибудь крана, вышла на площадку, захлопнула дверь, подергала ее (однажды дверь все-таки оказалась незапертой) и с довольно большим рюкзаком, а также с сумкой, набитой самым необходимым в дороге, спустилась на лифте вниз. Ключ от почтового ящика она еще вчера вечером оставила старушке-соседке и заглянуть туда уже не могла.

У подъезда стояла черная «Волга». Как только Женя вышла на улицу, обе передние двери открылись и из них, как по команде, вылезли двое мужчин одного примерно возраста – лет 35 – 40. Невысокие, коренастые, с невозмутимыми лицами, они чем-то неуловимым были похожи.

Оба подошли к Жене, сначала взяли у нее вещи, а потом поочередно протянули руки:

– Саня.

– Леша.

Женина ладошка утонула в их осторожных лапищах. И хотя по возрасту они были ей, несомненно, «дядя Саня» и «дядя Леша», она сразу почему-то поняла, что будет звать их по имени.

Больше они не проронили ни слова. Рюкзак положили в багажник, сумку поставили рядом с Женей на заднее сиденье.

– Вот деньги, спрячьте, – сказала Женя, как советовал Димин отец.

И Леша засунул их куда-то на грудь.

– Выдвигаемся? – полувопросительно сказал Саня, садясь за руль. Леша, расположившийся рядом, кивнул-мотнул коротко стриженной головой.

«Волга» осторожно попятилась задом, выезжая из Жениного двора.

Путешествие началось.

Через десять минут они уже неслись по Московской кольцевой дороге (некоторые противно называют ее Эмкадэ).

Впереди, на востоке (а именно на восток, а еще точнее – на юго-восток – они и держали свой путь: к Рязанке – дороге, ведущей на Рязань) низко над горизонтом сияло багровое, как луна, солнце. Слева от дороги лежал пухлыми перинами туман. А справа проплывали гипермаркет «Ашан», супермаркет «Перекресток».

Вырвались на Рязанку. Солнце установилось слева и засияло уже нестерпимо для глаз. Двинулись на юг.

Посредине дороги полз, мигая всеми боками, бензовоз, и его послушно огибали.

После указателя на Бронницы пошли рощи, перелески и пригорки. А далеко впереди замаячили дали. Женя очень любила, чтоб было видно далеко-далеко.

Пролетел указатель – 200 километров от Москвы. Промелькнули непонятные *Каленичские дворики*, потянулась Рязанская область, объявившая о себе так: «Деревня Константиново – родина Есенина – приветствует дорогих гостей».

Шел третий час езды, когда Жене потребовалась остановочка. Сосновый лес был забросан большими пластмассовыми бутылками из-под разных напитков – теми самыми, про которые все знают, что они не разлагаются десятилетиями, не превращаются в перегной, не питают собой растения, а просто подло засоряют землю.

Она читала в одной книжке про оккупационные армии, которые во все времена вели себя нагло, оставляя после своих ночлегов в лесах заплеванные, загаженные стоянки. Но ведь это были *чужие* армии! Они шли по чужой, завоеванной оружием земле.

Почему же люди бросали огромные бутылки, пакеты из-под соков, жестяные банки, рваные газеты в красивом *своем* лесу, в который могли еще не раз вернуться?

Наскоро выполнив несколько приемов каратэ, Женя вернулась в машину. Единственно, от чего она уже начинала страдать, – это от невозможности поставить ногу на стену и стоять не меньше получаса, читая какую-нибудь книжку или уча иностранные слова. Ее подруги по секции в это время слушали обычно попсу, но она не могла себе позволить так тратить драгоценное время.

За спиной остались уже 400 километров с лишним. Пролетали непонятные слова на указателях – *Шевырляй* и *Казачий дюк*, город со странно-коротким, как лай, названием Шацк, основанный будто бы в 1553 году... На быстром ходу Женя сначала прочитала «...в 1953». Это было довольно давно – Женина мама в том году еще не родилась, но кто-то умер, а кто – она никак не могла вспомнить.

На выезде из города был еще один плакат, и теперь она успела прочитать правильно – «1553», то есть так давно, что представить себе это и с чем-то связать было почти невозможно.

После какой-то большой реки всю пошла работы – расширяли *полотно* дороги (это выражение, когда-то от кого-то услышанное, Жене нравилось – как и *полотнище* пилы).

Медленно проворачивался тяжелый каток. Экскаваторы загребали своими огромными челюстями светло-желтый песок, готовый скрыться под черным асфальтом.

Дорога пошла широкими волнами – подымалась вместе с полями, вздымавшимися к горизонту, и вдруг ухала вниз. Указатели так и пролетали мимо, иногда Женя успевала прочесть, что всего в двух километрах Студенец – то ли городок, то ли село. На полях стояли аккуратно, как сладкий рулет, закатанные золотистые валки соломы, оставшейся от убранной пшеницы.

В полдень началась Республика Мордовия и, едва успев мелькнуть указателем на Саранск, закончилась – ведь они неслись со скоростью 120 км и быстро проскочили прятавшуюся налево в лесах, оставшуюся не замеченной Женей Потьму, где километрах в семидесяти от станции Явас, в обнесенной несколькими рядами колючей проволоки поверх высокого забора и тщательно охраняемой *зоне* Олег Сумароков отбывал первую неделю своего пожизненного заключения.

Приближались к Пензе, и появилось на указателях непонятное слово «Павелмс» и более понятное, хотя только на первый взгляд, «Овчарное». Под высоким деревом у дороги мирно что-то жевала лошадь рядом с повозкой с клоками сена на дне.

Пространство как будто все расширялось. Страна распахивала перед Женей свои просторы.

Машина затормозила.

– Калуга, выдь, посмотри левую фару, – бросил Саня.

Леша полез из машины.

Оба они были «афганцы», то есть отвоевали по два года в Афганистане, в одном отделении разведроты. В том отделении было их четверо. Саня из Москвы, Алексей – из Калуги (за что и получил на веки вечные именование «Калуга», по-другому его никто во всей роте не звал), их командир – сержант Василий из Горно-Алтайска и Славик Мякота из-под Вязьмы. Там, в деревне на шесть оставшихся дворов, доживала сейчас свой век его мать. Славик был у нее один, поздний. Вот уж шестнадцать лет они втроем каждый год ездили на его могилу, останавливались в деревне на два-три дня и помогали Славиной матери по хозяйству. В том бою погибнуть могли все четверо, но Слава их прикрыл. Сержант потерял руку, но его из-под огня они вытащили живым.

Генерал-лейтенант Георгий Иванович Шуст (что по-украински значит «буравчик»), ныне известный каждому российскому десантнику, тогда был молодым подполковником. И не было во всей дивизии офицера, бережней его относящегося к своим бойцам. Воевали у него не хуже, а может, и лучше других, а потерь было несравнимо меньше.

Через несколько лет после вывода войск из чужой страны Георгий Иванович разыскал ребят из того отделения, которое славилось храбростью и умением, потому не вылезало во время войны из дозора и сберегло немало жизней в своей роте да и во всем полку. Разыскал и позвал к себе водителями.

Сказать, что эти двое были преданы ему, – значит не сказать ничего. Он уверен был в них, как в себе самом. Вчера генерал-лейтенант (иначе они его и между собой не называли) вызвал обоих и сказал:

– Повезете в Сибирь девочку. У нее там серьезное дело. Надо обеспечить операцию. Машину возьмете мою, я на джип пока пересяду.

Помолчал и добавил:

– Кажется, барышня моего сына.

После этих слов генерала Шуста мы никак не позавидовали бы тем, кто задумал бы против Жени что-то плохое.

Всех мотивов поступка генерал-лейтенанта Саня и Калуга не знали и ими не интересовались. Они думали только о том, как возможно лучше выполнить полученное задание.

Глава 10

Генерал-лейтенант Шуст

Было бы весьма опрометчиво с нашей стороны оставить читателя в недоумении относительно того, почему же генерал-лейтенант Шуст явно без долгих колебаний дал тринадцатилетней девочке на две недели машину и двух водителей впридачу – пусть даже и для очень серьезного дела, даже и по просьбе своего единственного сына.

Старший сын Георгия Ивановича погиб во время Первой чеченской войны, 31 декабря 1994 года, при попытке взять Грозный непременно в новогоднюю ночь, как захотелось этого по какой-то сугубо личной причине, чуть ли не по случаю своего дня рождения тогдашнему министру обороны России. С тех пор и до сего дня никто не рисковал произносить при генерал-лейтенанте имя Павла Грачева.

Тело его сына долго валялось тогда на одной из улиц Грозного вместе с десятками (говорили, что и сотнями) тел других участников кровавого и бессмысленного боя. Чеченцы, глубоко уверенные, что каждый воин имеет право быть похороненным, обращались к своим врагам с просьбой объявить на сутки перемирие и забрать трупы солдат: «Ведь их на наших улицах собаки едят!» Но никто не озаботился преданием тел своих воинов земле.

Как сумел генерал найти и вывезти тело сына, он никогда и никому не рассказывал – как и о том, в каком виде лежал его сын в закрытом гробу, привезенном в Москву. Гроб пришлось открыть – для матери. После этого его сорокатрехлетняя жена за одну ночь поседела до белизны. Своего первенца она пережила всего на год, оставив на руках мужа семилетнего Диму.

У генерал-лейтенанта был свой и совершенно определенный взгляд и на первую, и на вторую чеченские кампании, очень и очень расходившийся с государственной политикой России – равно как и с мнением многих ее граждан, сожалеющих, что власть не взяла за образец действия Сталина и не свела всех чеченцев вообще под корень («вместе с младенцами», как любят уточнять эти граждане). Но, будучи человеком военным, он не считал для себя возможным свое мнение афишировать.

Генерал-лейтенант Шуст был человеком умным. Это качество никак не является достоинством всех генералов. Но зато в тех случаях, когда ум совмещается с генеральским званием, это нередко дает его обладателю несомненные преимущества – тогда ум соединяется с

быстротой принятия решений, чем далеко не каждый штатский умник, как известно, может похвастаться. И второе – умные генералы знают, что решения принимаются не для того, чтобы над ними размышлять по новой, а исключительно для того, чтобы их тут же и выполнять.

Выслушав просьбу младшего сына, отец задал несколько вопросов и полностью уяснил для себя ситуацию. Семейю Жени он знал, ее – тоже. Он выделил из услышанного главное – случилось так, что девочка осталась одна на 10 – 12 дней. Ее сейчас не удержит никто, она *все равно* поедет спасать человека, попавшего в такую беду.

Если не помочь – она поедет одна. Чем грозит тринадцатилетней девочке такая поездка, объяснять никому не надо. Что он скажет ее родителям и своему сыну, если с ней что-то случится? Еще генерал-лейтенант подумал о том, что плохи дела в стране, если детям выпадает исправлять ошибки правосудия: как он понял, по делу, которым была озабочена девочка, и кассационную жалобу уже отклонили – приговор вступил в силу. Чтобы оправдать невинного, девочке предстояло, в сущности, ни много ни мало как найти убийц. Понимала ли это сама Женья? Но все эти мысли он временно отложил в сторону, как не относящиеся к тому, что мог и должен был сделать он лично.

Генерал-лейтенант Шуст принял решение и сразу же стал его выполнять.

Вот почему его «Волга» пересекала сейчас просторы европейской части России.

Машина шла ходко, Женья задремала на заднем сиденье и не заметила ни реку Мокшу, протекавшую через районный центр Мокшан, ни Пензу. Что ей снилось, мы не знаем. Говорят, что во сне человек может иногда увидеть то, что реально происходит в этот самый момент где-то в другом месте и имеет к нему отношение. Тогда, возможно, она видела во сне двух молодых мужчин в одинаковых длинных черных плащах, встретившихся в Москве на ступенях Центрального телеграфа и тут же двинувшихся по Тверской в сторону Пушкинской площади. Возможно, ветер донес до спящей Жени и несколько реплик из их негромкого разговора: «Куда поехала?... Поезжайте вслед», – и она почувствовала безотчетный, но очень сильный страх.

Машину покачивало на быстром ходу, и просыпаться Жене не хотелось. Открыла она глаза сразу после Пензы.

На высоком столбе укреплена была вывеска птицефабрики – орал, нахохлясь, черночугунный петух. А на завалинке избы с по-пензенски богатыми, кружевными белыми наличниками и выкрашенными густо-желтой краской простенками между окон сидели старухи, как двести лет назад.

Глава 11

Ваня-опер

Дорога впереди, на которую теперь, не отрываясь, смотрела Женя, то резко срезалась вдруг придвинувшимся горизонтом, то протягивалась далеко-далеко, туда, где две ее зеленые обочины сходились в одну точку. Золотели убранные поля. Солнце только начало свой путь к горизонту, когда около пяти путешественники въехали в Городищенский район Пензенской области. Потянулись по обе стороны дороги длинные, чахлые, пятнистые – черно-белые, как коровы-холмогорки, – приневоленные к порядку березы лесозащитных полос.

А вдали выбегали на холмы вольные березовые перелески. Дальше и дальше они превращались в леса, леса густели. Блеснули тихие воды реки, называвшейся Сура.

Столбик с выцветшим указателем «Пионерский лагерь "Сказка"» венчал профиль Главного Сказочника. Так сказал бы скорей всего Женин папа. А дедушка при этом покивал бы согласно головой. Но Женя так не думала – она видела только, что профиль чем-то ей знаком, но так и не вспомнила, кто это.

Жене оставались примерно сутки езды до Златоуста – первой ее остановки. Там между тем происходили события, не предусмотренные отработанным ею в Москве совместно с Фурсиком планом.

Ваня Грязнов, сын полковника милиции, больше известный по причине профессии отца под кличкой Ваня-опер, готовился покинуть отчий дом.

Отец его служил не в самом Златоусте. Возглавляемое им подразделение ГИБДД контролировало участок федеральной трассы от Миасса до Челябинска. Про этот именно участок давно ходила дурная слава. От рэкетиоров, останавливавших машины, шедшие главным образом из Москвы и в Москву, продыху не было. Но в милицию почему-то никто из нагло ограбленных не обращался – то ли сами не могли полностью в соответствии с законами отчитаться за свои грузы, то ли не верили, что найдут помощь.

До поры до времени Ваня несколько не задумывался над тем, как живет его семья. Родители обували-одевали его и младшего брата, перед первым сентября «обмундировывали», как выражался отец, не отказывали в спортивных принадлежностях, которые, правда, становились все более дорогими. И это-то и заставило Ваню впервые задуматься – откуда берутся большие деньги в их семье?

Когда прошлым летом он оказался в спортлагере и понимающие ровесники начали оценивать его *упаковку* и *прикид*, у Ивана засосало под ложечкой. Вернувшись домой, он стал невольно прислушиваться к мачехиным разговорам с подругами о часиках, брошках и ожерельях и к отцовским вполголоса, на полусловах беседах по телефону с сослуживцами.

Ваня не знал, какую была его родная мать. Ее убили бандиты, когда ему было три года, – мстили отцу. Но по каким-то признакам – разговорам теток, бабушки он чувствовал, что она была другая. И отец до ее смерти был вроде бы другим – честным, не желавшим иметь дела с бандитами: то есть принимать их условия – и не трогать их. По тихим разговорам родных Ваня понял, что за это и расплатилась своей жизнью его жена, Ванина мама.

Получалось, что ее смерть отца напугала. Это было понятно. Но ведь испуганным нечего делать в милиции. Тогда надо было из милиции уходить. Отец остался.

И вчера вечером все вдруг встало на свои нехорошие места. Несколько дней назад в доме приятеля Ваня слушал рассказ их гостя, только что приехавшего из Новосибирска на машине, – «афганца», работающего, как выражались сослуживцы отца, в президентских структурах. Тот неторопливо повествовал, как у Челябинска стали «очень грамотно тормозить» его машину:

– Красный жигуль разворачивается, перекрывает путь. А слева девятка открывает окно, оттуда говорят: «Останавливайтесь, платите деньги и проезжайте»...

– А ты? – ахая, спрашивала мать Ваниного приятеля.

– Что я?.. – похохатывая, продолжал гость. – Я, конечно, останавливаться не думаю, говорю им в окно, а на них и не гляжу: «Вы, ребята, *берега попутали* – это администрация президента по Уральскому округу!» Ну, они, конечно, перестроились, стали отставать, а один еще обиженно говорит: «Так бы и говорил. А чего же хамить – берега попутали!..» Ну, я был, конечно, психологически готов – Челябинск что в одну, что в другую сторону без рэкетиров не проедешь. И всегда в ста метрах от поста ГИБДД этого!.. Чтобы деньги сдавать ближе, что ли?..

Гость не знал, кто у Вани отец. А хозяева постарались быстро сменить тему. Но не запомнить колоритный обмен репликами было невозможно.

И вот вчера, накануне своего выходного дня, отец вечером пришел с сослуживцами. Сразу сели выпивать. Отец не знал, что Иван дома, и говорил громко.

– Последние дни орлы наши что-то совсем мышей не ловят!

– Если мышей – то почему орлы? Коты, значит... – пьяно возразил один из гостей.

– Почему – коты? А мышь-полевка? Орлы ее очень даже приветствуют.

После короткой дискуссии насчет фауны отец сказал:

– А один, они рассказывают, им так загнул: «Вы что, ребята, берега попутали?» И будто бы из аппарата нашего полномочного... Так пустые к нам вечером и подъехали.

– Да ты слушай их больше! Ловчат, скрытничают...

Затихли. Только слышен был звон стопок и крикание. А у Ивана на несколько мгновений будто остановилось сердце.

Он не спал всю ночь. Ему казалось, что за эту ночь он стал старше на много лет. А наутро решил уйти из дома. Мачеха о нем не пожалеет. Хоть он и звал ее по просьбе отца мамой, матерью ему она стать не захотела или не смогла. Жалко ему было только младшего брата. «Сделают из него такого же вора», – горько думал Ваня.

Глава 12

Урал. Европа и Азия

Женя между тем пересекала Ульяновскую область.

– Слышь, Калуга, что тут, мужики совсем, что ли, завили горе веревочкой – уже не сеют, не пашут?

Саня, с виду небрежно, еле касаясь, держа руль, изумленно озирался по сторонам.

Зрелище и правда было странное.

На протяжении всего пути по области вокруг были видны только заросшие лебедой поля. Хотя, как помнила Женя из географии, область входила в полосу черноземья. Как же можно было бросать незасеянной такую землю?

– Калуга, глянь – тыщи гектаров не засеяны!

– Санек, тут же и покосы хорошие – луга вон какие! А трава перестоялась, теперь уж не скосишь. Да что они, скотину, что ли, не держат?

Остановились заправиться; вышла и Женя – как всегда, постоять хоть по минуте на каждой ноге, подняв другую повыше, и сделать несколько приседаний на растяжку. Леша-Калуга говорил с заправщиком:

– А чего – вы скотину не держите?..

– Почему не держим? Держим.

– А чего ж траву не косите?

– А попробуй покоси – сразу под суд попадешь. Не дают никому.

– Кто не дает-то?

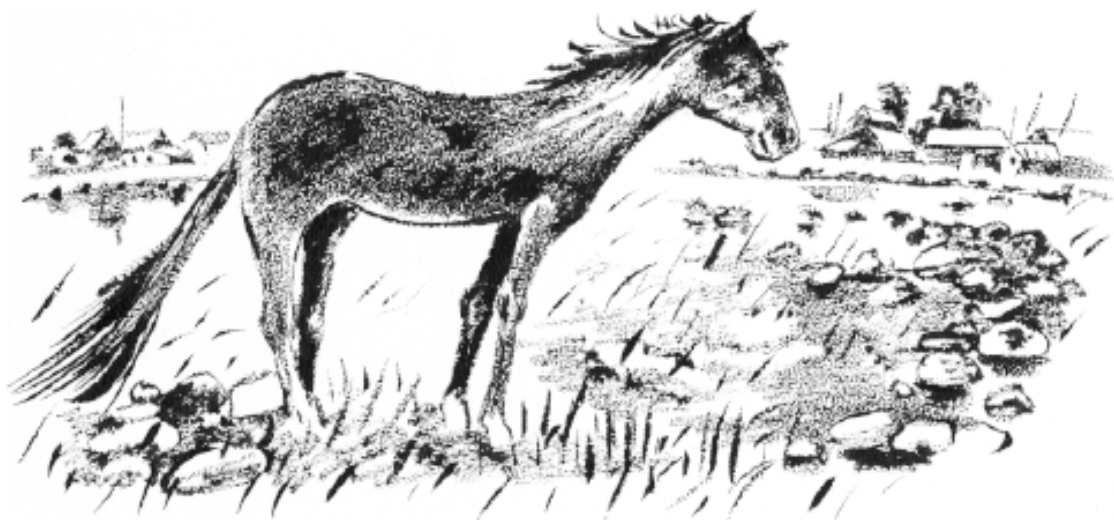
– Начальство. Власти.

– А сами чего ж не косят?

– Говорят – денег нет.

Переехали реку Ардовать, затем Сызранку – 35 километров до Сызрани, 240 – до Самары. Пошли пологие всхолмия, простертые до самого горизонта. Жене казалось, что и дышится здесь по-другому, чем в Москве, – полной грудью. Как будто открывавшиеся просторы расширяли ее грудную клетку.

Спустя час езды от Самары дорога начала нырять и взмывать гораздо чувствительней, чем перед Мордовией. Сначала мягкие всхолмия накатывали на равнину, а потом все выше вздымались рыжие холмы, становились все круче и прорезались оврагами. Это были отроги Урала.

Уже темнело, и Жене было обидно, что она не увидит, как начинается Урал – через двести километров, как сказал Саня. На минуту остановились почти в полной уже темноте – и вдруг справа из леса послышался страшный крик.

Кричала девушка. Тут они разглядели, что впереди на дороге стоят два мотоцикла – без людей. Один с коляской. Саня и Леша, не раздумывая, выскочили одновременно из двух передних дверей и, крикнув Жене: «Из машины никуда!», оба кинулись в лес.

И очень скоро из леса донеслись уже другие крики, не женские, а мужские. Что там происходило, Женя, конечно, не видела.

А там было четверо не то чтобы пьяных, но отнюдь не трезвых местных парней. Младшему двадцать, старшему – двадцать четыре. Когда первого же Саня одним пинком сбил с ног, а второй от удара Леша в скулу отлетел и, стоя на четвереньках, стал выплевывать зубы, раздался ровный голос Калуги:

– Все отслужили?

Кто-то пролепетал:

– Все...

– Значит, родине урона не нанесем, – удовлетворенно подхватил Саня, сделал захват и дернул самому крупному, который только что прижимал вырывавшуюся девушку к земле, руку из плеча. Тот завыл.

Оставив всех четверых на лужайке под деревьями в лежачем положении и пообещав на обратном пути подъехать и добавить, приятели вывели из леса рыдающую девушку, на которой были джинсы, выпачканные в земле, и в клочья разорванная блузка. Они посадили ее назад к Жене и уселись сами.

– Куда едем? – коротко спросил Леша.

– Я в Похвисневском районе живу... Далеко, пятьдесят километров... – девушка говорила еле слышно, уткнув лицо в ладони.

– А сюда-то тебя как занесло?

– А у нас клуб не работает... На дискотеку только в Клявлино ездим...

– А чего ж с четырьмя пьяными поехала? Они ваши, что ли?

– Похвисневские... Они когда сюда ехали, не пьяные были... Тут напились...

– Так ты что села-то к ним? Не понимала, что ли?... – не выдержал Леша. – Тебе лет-то сколько?

– Шестнадцать... А как мне домой добираться? – и девушка опять горько-горько заплакала. – Пятьдесят километров пешком-то не пройти...

Тут заговорила Женя, до этого слушавшая разговор, вдавившись в угол сидения, с расширенными от жалости к девушке глазами.

– Ты в школе учишься? А как тебя зовут?

– В одиннадцатый пойду... Оля...

– А что, Оля, у вас там хороших мальчиков совсем нет?

– Так пьют же все! – выкрикнула Оля, не переставая плакать уже навзрыд. – С десяти лет уже все пьют! Моя подружка в восемнадцать лет замуж вышла – полгода назад... Со школы дружили... Так он ее уже бьет!

Всю недолгую оставшуюся дорогу Оля проплакала. Сквозь горькие слезы она рисовала безрадостную картину жизни девушек в ее поселке и в селах вокруг. Из ее рассказа вытекало, что никакой надежды у них не было – иной жизни, кроме как со спившимися или спивающимися мужьями, будущее не сулило. Только те, кто уезжали в город, могли на что-то рассчитывать. Но это мало кому удавалось и не всегда хорошо кончалось.

Женя примолкла. В Москве, среди книг, телефильмов «про любовь», рассказов маминых подруг про чьи-то трогательные романы и удачные браки (может, про другие случаи при ней просто не говорили?) будущее выглядело иначе.

Глядя на полосочки, оставшиеся от Олиной блузки, – девушка придерживала их руками на груди, – Женя представила, как Оля появится в таком виде перед своей мамой, и попросила Саню остановиться. В багажнике она распатронила свою сумку и нашла для тоненькой Оли подходящий салатový топик. Та тут же за багажником и переделалась, благодарно поцеловав Женю в щеку.

Они высадили зареванную Олю у ее калитки и двинулись дальше.

Ночью проехали Татарстан и Башкортостан – Женя их так и не увидела: она сладко спала, уютно свернувшись на заднем сиденье. Длинные ноги ей не мешали – подтянутые к животу, почему-то нисколько не затекали.

В шесть утра по московскому времени (в восемь по местному) все плавало в молоке тумана. Въезжали на Урал, но видна была только дорога впереди, и то несколько метров. Водители поставили машину на обочину и проспали три часа.

В полдень по-местному Урал открылся взорам, залитый солнцем. Справа внизу был город со сказочным названием Сим. И над ним, высоко над обрывом, под которым он простерся, парили черные, как копоть, коршуны. Проехали первый перевал. Справа от дороги стояли заброшенные фермы с обнаженными стропилами.

«Усть-катавский лесхоз» – на вывеске был изображен олень. «Катав-Ивановск». «Усть-Катав. Основан в 1758». Справа – маленькие поля, картофельное и капустное.

За рулем сидел теперь Леша. Саня взял мобильник, лежавший на панели прямо над коробкой скоростей (единственное, как объяснил он Жене, неподвижное место в машине), и набрал номер.

– Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант. Выполняем задание. Идем по Уралу. Обстановка штатная. Рады стараться, товарищ генерал-лейтенант.

Самый живописный кусок открылся перед городом Юрюзанью.

– Делали холодильники, – лаконично сказал Саня. – Закрылись – вытеснили их с рынка: неконкурентоспособны.

Пересекли речку Юрюзань и остановились. Саня и Калуга полезли в двигатель. Подошел поглазеть на машину мальчишка лет восьми.

Похвалился:

– А вот там у нас, – он махнул рукой на север, – есть река Ай. А там, – он махнул на юг, – река Уй.

Это уж ни в какие ворота не лезло. Женя мальчишке не поверила, но виду не показала. Покатили дальше.

На берегу реки Сельги стояла телега, рядом качался на тонких ножках желтый жеребенок. Мелькнула за окнами река Куваши. Березы по сторонам дороги были высокие и опять на удивление тонкие. Они напоминали саму Женю Осинкину – если бы кто-то переводил взгляд с тех березок на нее и обратно. Но несколько из них согнулись от ветра в полупоклоне.

– Слышь, Калуга, а не у нас на хвосте этот джип висит? – сказал вдруг Саня.

– Да я на него уж целый час смотрю, – медленно ответил Леша.

Жене стало вдруг мутно – в точности как тогда, когда она подобрала из-под ног в грязном переходе свою фотокарточку. За последние сутки она начисто забыла об этом еще совсем не разгаданном и явно не сулящем ей ничего хорошего московском событии.

– Щас увидим.

Свернув налево, они по крутому спуску въехали в город Златоуст. А черный джип с тонированными стеклами промчался дальше. И Женя сразу успокоилась.

Златоуст, где она должна была встретиться с Ваней Грязновым, основался, как написано при въезде в него, еще раньше, чем неведомый Усть-Катав, – в 1754 году. Здесь началась русская металлургия. Но теперь мало что напоминало об этом. Теперь здесь больше всего занимались теми камнями, которыми славился Урал, и не более чем через полчаса Жене предстояло увидеть результаты этих занятий.

Улица Ленина, по которой они въезжали в город, состояла целиком из одноэтажных, вросших в землю домиков. Женя уже представляла себе по рассказам деда, как жили люди в России до Ленина. И ей понятно было, почему теперь такая захудалая улица, где живут бедные люди, носит его имя. Только один дом в конце улицы был каменным. Его отреставрировали, и теперь он гордился своей бело-красной нарядностью.

На главной площади стоял чугунный генерал Аносов, держал за два конца упруго выгнувшуюся саблю. Ведь именно Аносов, генерал, химик и металлург, открыл секрет знаменитой дамасской стали. Из этой стали ковали такие сабли, которыми разрубали подброшенные вверх шелковые платки! Сабли могли сгибаться как угодно – но не ломались.

Про Аносова Жене рассказал как бы сквозь зубы странного вида парень: два очень узких передних зуба росли у него косо и доставали до самых нижних десен, заходя страшным образом, как у злого сказочного героя, за нижние зубы. «Так что ж тут, зубных врачей, что ли, нет?» – думала в некоторой растерянности Женя.

– Где у вас тут улица не с новостройками, а со старыми еще домами?

– Желтые дома? Это Карла Маркса.

Жутко ободранный кинотеатр с колоннами встретил их на подходе к улице Карла Маркса, на которой и правда стояли очень высокие дома. В Москве такие называли «сталинскими», а в Златоусте – *желтыми* домами. Они действительно все были желтого цвета и с очень большими карнизами, нависавшими над верхними этажами – для красоты.

Женя легко отыскала нужный дом и квартиру, но тут ее ожидал неприятный сюрприз. Женщина, открывшая дверь, взглянула недружелюбно и на вопрос, можно ли видеть Ваню, коротко ответила:

– Уехал.

– Как уехал? Куда?

– Не знаю. Ему четырнадцать лет, у него паспорт есть, он сам за себя отвечает.

Тут мимо женщины протиснулся толстый мальчишка лет восьми, вылез на площадку со словами «Мам, я гулять пошел» и, отчаянно подмигивая Жене, быстро побежал по лестнице вниз.

– Ну тогда извините, – сказала Женя и устремилась за ним.

Во дворе мальчишка спросил ее:

– Ты Осинкина?

– Да.

Он полез за пазуху и протянул ей конверт.

Ваня Грязнов в нескольких строчках объяснял Жене, где они встретятся.

– Поехали, – сказала Женя, садясь в машину.

Она уже привыкала понемножку к роли командующего операцией.

Через пятнадцать минут машина остановилась.

– Выходи, Женя, мы тебя сфотографируем, – сказал Леша.

Она вылезла и увидела высокую каменную плиту, из которой выходил столб, состоявший из трех стержней. На нем была укреплена большая планка, вроде вывески, с надписью – «Европа». Это же слово было на каменной плите, а под ним почти такими же крупными буквами два слова – «Лена Руслан». Других слов на плите не было. По-видимому, неизвестная Лена неожиданно поняла, стоя у этой плиты, что ее место в мире не меньше, чем у Европы.

Леша сфотографировал Женю у столба и попросил обойти его.

На другой стороне столба была надпись – «Азия». И под ним опять-таки одно слово – «Танька».

Получилось, что Женя снялась сначала в Европе, а потом – в Азии. Это было здорово!

Подъехала шумная свадьба на четырех машинах, и невеста в фате старалась встать так, чтобы сфотографироваться на фоне «Азии», а не «Таньки».

Тут же, у столба – и в Европе, и в Азии, – продавались очень красивые изделия из камней, добываемых прямо из Уральских гор и – с большим ущербом для здоровья от каменной пыли – обтачиваемых местными мастерами. Больше всего – из темно-темно-зеленого змевика и светло-зеленого серпентинита. Жене легко давались иностранные языки. Поэтому она сразу поняла, что название-то – одно и то же, поскольку и по-английски, и по-французски *змея* пишется одинаково – *serpent*, – только произносится совсем по-разному. А если прочесть просто по буквам, как пишется, то и получится *серпент*-инит.

Стояли шкатулки разных оттенков зеленого цвета, одни – с медными изогнувшимися маленькими ящерицами на крышке, на других же крышках была либо золотая осень, либо светло-зеленые с голубым летние пейзажи. Это все было сделано, как ей охотно объяснили, из крошки настоящих полудрагоценных уральских камней, безо всякой краски. Были идеально обточенные светло-зеленые – из серпентинита с причудливыми, как змеи, прожил-

ками, – пасхальные яйца на подставочках, и темно-зеленые стаканы для карандашей, и вазы для цветов. Но больше всего Жене понравилась единственная вазочка, совсем похожая на те, которые видела она в Музее изобразительных искусств в античных залах, – из красно-белого мрамора. Оказывается, добывался он только здесь и больше нигде. Женя видела его на стенах каких-то станций московского метро. Она не удержалась и, хотя Саня сказал ей лаконично: «На обратном пути!» – купила эту вазочку в подарок своему папе, страстному поклоннику античности. Это было очень недорого – и из ее собственных денег, то есть оставленных ей мамой на еду. И Женя утешила себя тем, что по дороге, вдали от «Макдональдса» и кинотеатров, уже сильно сэкономила.

Когда Саня вырулил от столба на трассу, Леша крепко взял его за правый локоть:
– Гляди!
На большой скорости их обогнал тот самый черный джип.
Обстановка постепенно становилась нештатной.

Глава 13

Скин

За двое суток до этого, через два часа после того, как Женя побывала у Фурсика, Денис Скоробогатов шел по Тверской.

С некоторых пор он ходил с неприятным чувством по улице, которую любил с детства, а в последние годы считал чем-то вроде своего законного владения и выходил на нее в таком примерно настроении, в каком русский помещик выезжал когда-то на охоту в поля, со сворой борзых.

Сейчас Денис шел, и ему чудились груды битого стекла, горящие машины, пьяные крики. Странно, но тогда, в июне, он от души бил эти стекла вместе с пацанами, и хрустальный звон оседающих огромных витрин слушал как музыку. И машины пинал и раскачивал с радостью и даже наслаждением.

Куда делось это чувство? Когда оно сменилось каким-то другим, напоминающим противный вкус во рту наутро после пьянки?

Может быть, тогда, когда он увидел, как кровь струей течет по Дашкиной нежной щеке? И на щеке – широкий порез, от которого – он как-то понял это в одну секунду – обязательно останется шрам. Невозможно было остановить кровь, он стягивал лицо Дашки своим красно-белым шарфом.

Или когда спустя неделю узнал, что сожгли машину у знакомого парня-«афганца», а он, контуженный, с двумя маленькими детьми, зарабатывал на нее три года? Теперь дети все лето будут в городе – не на чем возить их с дачи на процедуры: дети у него были нездоровые. «Афганец», сжимая челюсти, говорил, что будь он тогда у машины со своим калашом – пустил бы очередь от живота и «эти... протрезвели бы уже на том свете, с выпущенными кишками».

...Только в тот момент, когда Денис трясущимися руками старался остановить кровь на Дашкиной щеке, а она плакала и кричала, прямо вопила, он вдруг увидел, что вся Тверская заблевана и залита мочой. А ведь только что орал и ничего такого не видел. Сегодня, спустя полтора месяца, он шел по той же давно мытой-перемытой улице и снова – вот дела! – чувствовал запах рвоты и мочи.

Он шел, и ему стискивало голову как обручем – не от размышлений, потому что размышлять Денис не очень-то умел, точнее, не знал, как это делать, – а от какой-то безнадеги.

В голове прыгали только те короткие, похожие на слоганы мысли, к которым он привык: «Нас унижают», «Азеры пусть убираются к себе», «Москву надо закрыть», «Негры пусть едут в Африку», «Россия – для русских, Москва – для москвичей!», «Раньше нас все боялись! А щас едут все кому не лень и живут по своим законам!» Он был уверен в этих слоганах. Но теперь они почему-то его не успокаивали. Но и не зажигали.

И вообще – исчезло куда-то все, что его зажигало. Он любил Шнура – и разве что его песни еще как-то действовали:

Новые районы, дома как городки,
Хочешь жить – набивай кулаки!

Но даже и набивать кулаки до мозолей на костяшках тоже надоело.

Раньше, например, Денис испытывал необъяснимый восторг, рисуя свастики на стенах и асфальте, – теперь ему совсем не хотелось этого делать. Лень, что ли, стало? Он сам не знал.

Денис был уверен, что он и его друзья правы. Но не мог понять, почему же ему так... он сказал бы *дерьмово*, а мы употребим, пожалуй, синоним – мерзко. Вдруг ему начинало казаться, что герой – не он и не его друзья, а тот фотокорреспондент, который отбил омоновца у толпы. Не дал его убить. Он думал теперь, что вот не дать кого-то убить – это действительно круто!

Денис шел к Фурсику – тот позвонил ему и сказал коротко: «Срочное дело».

Через час Денис, которого, впрочем, так звала только мама (когда была трезвая и хотя бы узнавала сына), а вся компания Жени Осинкиной давно звала Скином (он не протестовал), вышел от Фурсика и направился напрямик в железнодорожные кассы.

Глава 14

Челябинск

«Волга» мчалась по Азии так же уверенно, как по Европе.

Миновали реку со странным названием Коелг (может быть, *Коелга*, только «а» отвалилось?).

Золотистыми горками лежала на полях солома – из-под комбайна, после *прямого обмолота*. Женя узнала от своих спутников, что солому обязательно надо убирать с поля (ее потом вообще сжигают) – чтоб не засорялась пахотная земля, потому что солома очень долго перегнивает.

Мелькнул указатель – влево, в 19 километрах, было нечто под названием *Мисяш*. Следующий указатель объявлял, что идет реконструкция моста через речку Биргильду.

Жене казалась, что она едет не по России, а по какой-то неизвестной стране, хотя природа была если не знакомая, то понятная. Она была коренная москвичка, и в Сибирь въезжала впервые.

Впрочем, она не была еще даже в Петербурге (и мечтала побывать), хотя не только много про него читала, но часто слышала. Во-первых, от мамы – та тоже была коренной москвичкой, очень любила Москву, но говорила:

– Как только я выхожу из поезда на Московском вокзале и оказываюсь на Невском проспекте, я чувствую, что я – из деревни!

Во-вторых, от Вани Бессонова. Он родился в Петербурге, жил в детстве недалеко от улицы Зодчего Росси, нередко гулял с мамой или няней в Летнем саду, и строки «Евгения Онегина»: «Слегка за шалости бранил, / И в Летний сад гулять водил» – звучали для него иначе, чем для Жени. Но, впрочем, мы, наверно, не ошибемся, если скажем, что для Вани они звучали точно так, как для Жени – описание въезда Тани Лариной в Москву:

...Вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы
.....
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

Конечно, на Тверской давно не было ни возков, ни ухабов, а на крестах больше ворон, чем галок, но уж про львов на воротах Жене с раннего детства было известно от папы: вот заверни налево за угол от любимого Женей «Макдональдса» на Пушкинской площади и пройди несколько домов – увидишь этих львов на воротах (с ударением – по Пушкину – на последнем слог!) Английского клуба, куда так любил ездить Пушкин, когда бывал в Москве.

Правда, в этом доме давно музей, который теперь называется Музей современной истории России, а при советской власти (Жене было два года, когда она кончилась) назывался как-то по-другому, но невысокое здание красно-терракотового цвета с белой отделкой по-прежнему красиво. И легко представить, как карета с Пушкиным или с Татьяной Лариной заворачивает в ворота...

В Челябинске пришлось задержаться на полдня – заменять *сальник*. Он давно *полетел*, и вытекало и масло, и неведомый Жене *тосол*: это магическое слово то и дело говорили друг другу Саня и Леша. Они оба слышали, как все явственней скрежещут шестерни на заднем

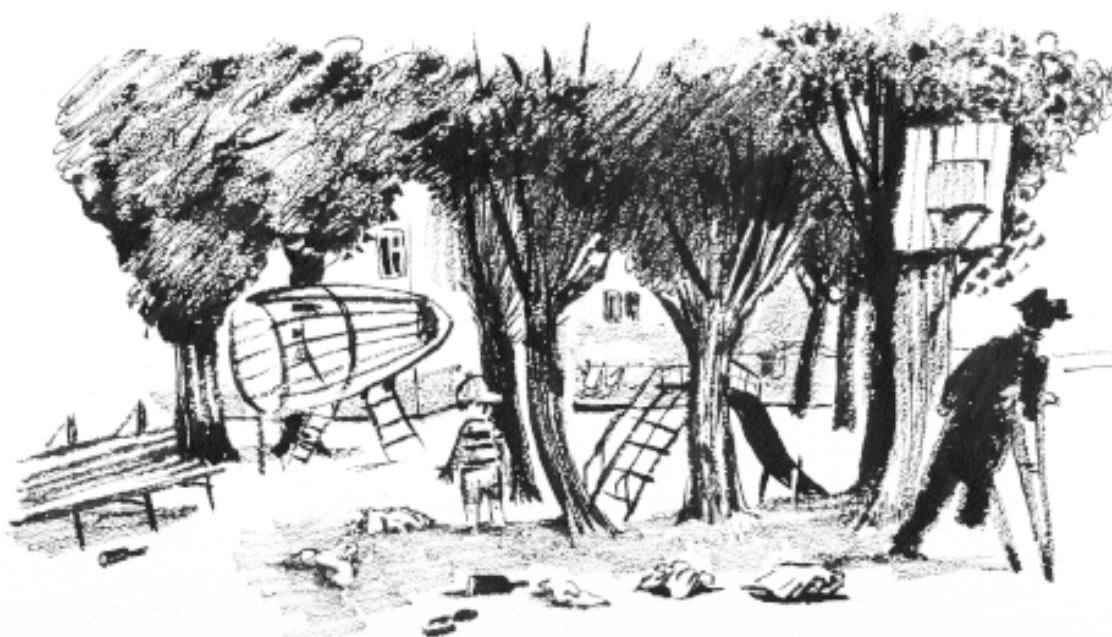
мосту. От этого лица их были мрачными. Оба одинаково хорошо знали, что за этим звуком, если его не устранить своевременно, рано или поздно следует замена всего заднего моста. А это ни в их планы, ни в бюджет генерал-лейтенанта Шуста не вписывалось. Сальника же не было ни в попутных шиномонтажах, ни в магазинах.

Надо было решать и еще кое-какие назревшие в дороге проблемы: не забудем, что ехали они на «Волге», а не на иномарке. Машина неплохая, она могла выдержать серьезную дорожную аварию, в которой от другой машины остается, по словам водителей, «большая груда покореженной жести». Но она все время, как известно, требует то мелкого, то крупного ремонта. Иномарки бегут себе и бегут. Зато уж если встанут – то, прямо скажем, неизвестно, что делать водителю и пассажирам на наших необъятных просторах.

В огромном автомобильном дворе (так он и назывался) повсюду были грязь и хлам в таком количестве, что описывать это почти невозможно. В мрачных помещениях, похожих на ангары, ходили рабочие в грязных промасленных одеждах и чинили подвешенные к потолку на огромных крюках машины. Механики, жуя сигареты и подтягивая исконно русским движением портки на резинке, ходили и ползали вокруг тех машин, что стояли на цементном полу. Но ничего этого Женя не видела, потому что по договоренности с Саней и Лешей пошла погулять по городу – «не дальше этого квартала», как строго попросили ее водители, отвечавшие за Женину безопасность непосредственно перед генерал-лейтенантом.

Прямо во двор тупиком упиралась улица под названием «Ферросплавная». Так как Женя училась на пятерки по всем предметам, она легко поняла, что это от слова «феррум» – железо. Но пыльная и скучная улица не стала от этого веселее.

На угловом доме красовалось выцветшее объявление «Клуб юных техников ЧЗМК. Ферросплавная, 144». Ну, ЧЗМК, поднапрягшись, расшифровать было можно – Челябинский завод... ну, наверно, раз уж *феррум*, – каких-нибудь *металлоконструкций*... Но почему-то Жене трудно было себе представить, что на этой улице действительно есть такой клуб или даже когда-либо был.

Но она ошибалась! Такой клуб и правда был, совсем рядом, в большом желтом двухэтажном доме. И в цехе, открытом прямо во двор, двое парнишек чистили и скребли с ужасным звуком какую-то железяку. Поинтересовавшись у них, давно ли этот клуб работает и не

закрывался ли в последние годы (а Женя интересовалась всем, что происходит, – особенно в России и особенно тем, что касалось жизни людей ее возраста), она узнала, что клуб работает с незапамятных времен, никогда не закрывался и что при нем довольно много желающих чему-то научиться, особенно во время каникул.

Женя двинулась дальше по Ферросплавной и зашла в первый же следующий двор – в надежде посидеть где-нибудь в теньке и подумать над тем, что произошло несколько месяцев назад в далекой от Москвы деревне и кто же убийца, если Олег невиновен, как ей, Жене, было известно с начала следствия, а после показаний Лики станет известно и судьям.

Двор с двух сторон обнимали желтые трехэтажные дома – углами. Здесь росли десятка три старых и очень тенистых деревьев. Этот двор был просто приготовлен для того, чтобы стать уютным, прямо-таки райским уголком – и для детей, и для взрослых. Но каким же он был!..

Вокруг маленького, расчерченного красно-белыми квадратами, покосившегося металлического столика на одной ножке и двух скамеек с узкими брусками для сиденья (половину брусков оторвали, и потому это скорее были насесты для кур, чем скамейки для людей), земля была вытоптана и загажена на два-три метра вокруг сигаретными пачками и бутылками. О том, чтобы присесть к такому столику, и подумать было нельзя.

Впрочем, и весь двор был вытоптан так, что ничего, кроме пыли, на нем, казалось, появиться уже не может. Посреди двора на стояке криво висели только одни качели, от двух других остались лишь крюки. Горка – для скатывания с нее и зимой, и летом, шведская стенка, карусель... Но все кособокое, облупленное, такое, что и не тянет подойти. А главное – ни травинки, ни цветочка, не то что клумбы, которые прямо просились в этот двор!..

Вышла голенастая очень молодая девица, в кожаной юбочке, едва-едва прикрывавшей те места, которые должна прикрывать юбочка, с блестящей черной сумочкой через плечо; повела куда-то со двора своего крохотного ребенка. И правда – он же у самой земли – не дышать же ему здесь этой желтой пылью!.. И Женя почему-то ясно представила, как изумленно распахнулись бы глаза с тщательно накрашенными ресницами у этой девицы-дамочки, если бы она услышала вдруг обращенный к ней несусветный вопрос:

– Скажите, а почему вы свой двор не обходите так, чтобы вашему ребенку было где погулять?

У подъезда три девочки семи-восьми лет хлопотливо развешивали какую-то тряпочку на остатках деревянной оградки, огораживавшей давно не существующий палисадник. Верная себе, Женя подошла к ним, чтобы прояснить ситуацию до конца.

– Здравствуйте, девочки! Скажите, а вы в какой класс перешли?

– Я в первый пойду, а Кристина во второй, и Саша во второй...

– А вашего возраста девочек – ну, с кем вы играете – во дворе много?

Кристина из второго класса стала перечислять, поглядывая то на свой дом, то на тот, что углом окаймлял двор с другой стороны:

– Катя, Полина, Женя, Эльвира...

– У них же у всех, наверное, родители есть? – подбиралась Женя к своей теме.

– У Эльвиры нет.

– А куда они делись?

– У нее мама повешалась. Только тетка есть.

Женя помолчала немного, пытаясь представить себе жизнь неведомой ей Эльвиры после того, как мама ее *повешалась*, коротко вздохнула и продолжила:

– Но вот у вас-то есть родители, и у других девочек? Ведь в вашем дворе вам играть негде, и цветов совсем нет. Вы бы сказали родителям – пусть устроят один субботник. Все бы вышли и за один день убрали двор, все вскопали и посадили. И не было бы пылицы этой!

Девочки вздохнули. И перебивая друг друга, заговорили:

– Не-а, все не выйдут.

– Скажут: «Еще чего! Некогда мне!»

– Скажут: «Да кому это надо!»

Эти девочки уже очень хорошо знали своих родителей.

Жаркий летний день длился в пыльной тишине двора. Пересек его человек в очках, на двух костылях, с одной ногой, а вместо другой была подвернута под ремень брючина. В Москве таких Женя видела только в переходах метро.

Двор начинал понемногу жить. Прошаркал через весь двор еще один инвалид, с двумя ногами, но сильно опираясь на палку.

Прошла девочка – ровесница Жени с красивой голой спиной и заметной грудью, прикрытой полумаечкой, села за столик среди всей этой грязи с двумя пацанами меньше ее, хотя наверняка того же возраста. Подошел один постарше и повыше, никогда не мытый. Мило пощебетала с ним девица и упорхнула, юнцы – за ней.

...Нет, но какая же тишина, редкая гостья на нашей земле, царила в этом дворе! Полная летняя тишина, будто и впрямь все разъехались по дачам, в прохладных комнатах за большими, совсем не подслеповатыми, чистыми окнами никого нет, и девочки, гулявшие во дворе, остались одни в доме. Только иногда прошуршит, въезжая, машина – то иномарка, то наша, довольно заезженная. Высунутся из оконца не отличающиеся друг от друга хозяева, что-то крикнут сидящим на бетонных боковинах крыльца и отбудут с миром. А люди на крыльце сидят и сидят, переговариваясь вполголоса, словно они в парке, среди чудных английских роз. Кто бы во всем мире, кроме, возможно, индийцев, будто бы, по рассказам очевидцев, всегда погруженных в свой духовный мир и не замечающих мира внешнего, стал жить в таком грязном дворике и лениво сидеть, отчужденно поглядывая на него, на крыльце?.. Никто бы не смог – силы воли бы не хватило.

Прошел по двору быстрой походкой мальчик лет пятнадцати, с едва обозначившимися темными усиками, с рюкзаком и свежечуленной газетой. Так явно было, что он ходил по *своим* делам, а теперь возвращается к *своему* дому, в *свою* комнату – по *ничейной* земле, которую надо скорее пересечь. Глаза его даже не замечали этого двора, по которому он ходил с того времени, как выучился ходить. Впрочем, когда он был маленький – очень даже замечали. И может, тогда ему смутно хотелось, чтобы была травка, цветочки. А потом двор перестал его интересовать.

Женя даже не стала его останавливать – она знала, что *здесь*, то есть с людьми ее поколения (хотя она и не думала таким именно словом – *поколение*, но суть от этого не меняется) одним разговором ничего не сделаешь. Здесь нужно было, чтобы несколько человек, которым интересно друг с другом, решили все вместе жить по-другому.

А к немолодому, однако явно еще полному сил мужчине, вылезшему из потрепанных, но бойко влетевших во двор (как будто ни в коем случае не может выбежать неожиданно – прямо под колеса – ребенок) «Жигулей», она все же подошла. Быстрый, с лоснящимся от жары и энергии лицом, он энергично захлопнул дверцу и ринулся было к своему подъезду, когда Женя его перехватила:

– Извините, пожалуйста, вы в этом доме живете?

– В этом.

– Извините, я у вас тут по дороге оказалась... Я живу в Москве. Посмотрите, пожалуйста, какой у вас ужасный двор. Почему вы его в порядок не приведете? Ведь у вас тут много детей...

Мужчина не стал ей грубить, а охотно взмахнул рукой в сторону заплеванного уголка – столика со скамейками.

– Да сколько раз говорили участковому!.. Он говорит, что прогонит, а они на другой вечер опять пьют!

– Но ведь если бы вы весь двор за один день привели в порядок – может, они и не стали бы его захламлять?

– В порядок? А ЖЭКу-то мы платим? Платим. Зачем же я чужую работу буду делать?

– Но ведь у вас же нет другого выбора, – сказала вдруг Женя другим, твердым голосом, и мужчина на секунду оторопел, – или вы не делаете за них действительно их, я с вами согласна, работу, и ваши дети ползают по этому загаженному двору, – или вы плюнете на ваш ЖЭК и сделаете, наконец, себе сами нормальный дворик!

Дядька склонился над своей машиной, что-то взял с сиденья и заспешил к подъезду.

Тут и Женя вспомнила, что и ей давно пора спешить, и сломя голову помчалась к Сане и Леше.

Глава 15

Путешествие продолжается

Когда они уже покидали Урал, на одном крутом повороте, после знака предупреждения об опасном участке дороги, черный джип на бешеной скорости подрезал их так, что они неминуемо должны были не просто скатиться в глубокий кювет, но еще и перевернуться, если бы не Лешино виртуозное вождение.

На той же бешеной скорости джип ушел на перекрестке влево и мгновенно скрылся из глаз. Жене становилось все более ясно, что идет охота за ней, хотя и не последовательная, а наскоками. Возможно, решительный вид водителей сдерживал ее неведомого врага. Она не знала, делиться ли с Саней и Лешей своими мыслями, рассказывать ли про фотографию на грязном каменном полу. А они молчали, смотрели мрачно вперед и по сторонам и ее, конечно, ни о чем не спрашивали.

После Копейска дорога пошла уже ровная, без понижений и холмов. Это и была та самая Западно-Сибирская низменность из учебников географии.

Сидя за спиной Сани, Жене было приятно следить из-за его плеча, как он хищно прицеливается, медлит, затем идет на обгон – и вдруг, мгновенно и точно оценив скорость своей машины и очень далекой, казалось Жене, встречной, резко подает вбок вправо, возвращаясь в хвост дальнобойщику, которого начинал было обгонять. Из этих расчетливых рывков – попытка обгона, отступление и в конце концов обгон – состояла езда. Она отнюдь не была монотонным движением по прямой.

На дороге шла своя жизнь, по своим законам. И человеческая жизнь была выставлена на каждом ветровом стекле – невидимым, но каждому, кто за рулем, очень хорошо известным ценником.

Здесь стояла невысокой, но плотной стеной давно созревшая пшеница, и Саня с Лешей, зорко поглядывая по сторонам, обменивались недоуменными репликами:

– А чего хлеб-то не убирают? Что случилось-то, не пойму?

Въехали в Щучье и после короткого совещания («Калуга, тормозим? – Да надо бы») остановились ненадолго у станции техобслуживания. Предстояло вскоре сворачивать с ухаженной трассы на проселочные дороги, где можно ждать всего, и надо было быть уверенным в машине.

Женя вылезла на волю и скорей поставила ногу как можно выше на ближайшее дерево. Трудно было поверить, что это – город, а не заброшенная, покинутая жителями деревня. Они стояли, судя по табличке, на улице Победы.

Непонятно было, чья же *победа* запечатлелась в названии.

Домишки-развалюхи ничем не напоминали дома победителей. Черные бревна избушки с голубыми ставенками казались еще крепкими. Но почерневшие доски, которыми были забиты давно не нужные ворота, выглядели ужасно. Все вокруг заросло бурьяном; узкая тропка вела через него к калитке.

Автобусная остановка, искореженная, заржавленная и закиданная мусором, явно была давно не действующей и превратилась постепенно в общественную помойку. Но вот к ней подошла красивая голубоглазая женщина с двумя мальчишками, и через две минуты подъехал автобус, как ни в чем не бывало остановился у этого пострамища, как бы выразилась Женина бабушка, забрал всех троих пассажиров и двинулся дальше. Женя медленно пошла по улице, поглядывая вокруг. Солнце стояло высоко. Из домов никто не выходил – не входил. Полуденная тишина была не благодатная, умиротворяющая, а какая-то обморочная. Идя по этому городку, нельзя было вообразить себе, что где-то в других местах России кипит жизнь.

Появились Саня и Леша с довольными лицами, забрались в машину. Женя набрала по мобильному Москву.

Фурсик был, как всегда, деловит и лаконичен:

– Скин выехал позавчера. Том близко от места, надеется тебя встретить. Иван Бессонов тоже на подходе.

Про Ваню-опера Женя сама знала из его записки. Друзья подтягивались к месту сбора.

«Волга» тяжело вывернула с улицы Победы и двинулась на проселок.

Выехали за Щучье и увидели указатель – «Оглухино 43 км».

Они приближались к тому месту, где полгода назад оборвалась жизнь одного человека и круто переломилась жизнь другого.

Глава 16

«То было раннею весной...»

Как всегда, Федя проводил Веру до ее плетня. И теперь, как обычно, ему неохота было уходить. Он стоял, ковыряя носком сапога снег (валенки он снял еще на прошлой неделе – март шел сырой) и комкая в левой руке снежок. Снежок таял, но одновременно уплотнялся. Если запульнуть как следует, им можно легко сбить ворону.

– Я буду президентом России, – сказал Федя. – А ты – женой президента.

Верка посчитала еще раз (Федя не первый раз это говорил, и она каждый раз старательно считала). Сейчас ему двенадцать. Нужно, чтобы прошло 23 года. Это будет 2025 год.

Ей надо много выучить за эти годы. И особенно все хорошо знать про Россию. Ведь она будет женой российского президента.

Федя наконец прощально тронул Верку за толстое ватное плечо, повернулся и пошел, посвистывая. Свернул, как всегда, к реке. Миасс еще не вскрылся, но в нескольких местах лед уже синел. А вот на Алтае, куда он ездит к теткам каждое лето, а иногда и в зимние каникулы, Катунь вообще не замерзает – слишком быстро течет. А Куба, маленький, но бурный ее приток, замерзает только к середине зимы, и все равно остаются промоины, где бурлит не смирившаяся стремнина.

Он стоял у огромной березы, не видный за ней с дороги. И увидел, как по дороге быстрым шагом прошли два мужика. Один был из Заманилок – в Оглухине у него двоюродный братан, он к нему частенько приезжал, а второй – чужой, Федя точно никогда его не видел. Вообще-то чужие редко когда заворачивали в Оглухино. Только родственники здешних.

Вот сейчас у бабы Груши гостил племянник из Петербурга, Олег, – сам он говорил: «из Питера». Федин отец, правда, говорил только – «Ленинград». Но на школьных картах такого города не было, и в учебниках истории рассказывалось, как Петр I выстроил Петербург. И при Петре I, и на Федькином коротком еще веку никакого Ленинграда не было, хотя он слышал, конечно, про *Ленинградскую* блокаду.

И только Федя вспомнил про этого племянника-студента, как в тот самый момент («Ей-богу, не вру!» – рассказывал он впоследствии закадычному другу) услышал его голос. Олег шел медленно по той же дороге, по которой пять минут назад быстрым шагом прошли двое неизвестных. Шел он не один, а с Ликой. Это тоже была, кстати, приезжая – из Москвы. Симпатичная, белокурая, но не крашенная – Федя в этом уже отлично разбирался. Она первый раз приехала сюда – к бабке, та жила на Интернациональной.

Ну, Федя так и знал! Остановились и начали целоваться. Теперь домой к футболу не попадешь (а начинался, между прочим, российский чемпионат) – неудобно же взять и выйти из-за березы, как в кино. Это годится, если только сразу начать стрелять, подумал он весело. И его стал разбирать смех, как только он представил себе эту картинку.

Они проморозили его чуть не десять минут. Неужели интересно так долго целоваться? Потом быстро пошли – но не туда, куда пошли чужие, а в противоположную сторону, к станции. А Федя припустил домой. Забежать по делу к закадычному приятелю Мячику, как планировалось, он уже не успевал.

По телеку играли гимн, и дома уже шла про него дискуссия – между отцом и дедом – не первый раз и вряд ли последний.

Дед говорил:

– Я *никогда* не встану под этот гимн. А я хотел бы иметь такую возможность, потому что люблю и уважаю свою страну. И меня лишили этой возможности.

– Получается оскорбление гимна, – меланхолично заметил Федькин отец.

– Оскорбление гимна? Это меня им оскорбили. И всех, кто не забыл, кто такой Сталин. Сталинский гимн не может быть гимном свободной России, это – абсурд. А ваши футболисты? Их не устраивала, видите ли, музыка великого Глинки, потому что, видите ли, «мы хотим шевелить губами» за честь страны! Ну и написали бы слова под Глинку, и шевелили бы на здоровье! Кто бы мне сказал – многие ли из них сегодня знают наизусть перелицованные бесстыжим стариком третий раз слова?!

– Ну батя... – примиряюще протянул отец.

Дед только больше раззадорился.

– Что – «батя»? Это ж действительно надо всякий стыд потерять! И детей не постеснялись... К каждой новой власти почти одни и те же слова присобачивать! К Сталину, к Хрущеву, теперь – известно к кому! Каким циником надо быть, чтоб до такого додуматься! Их потому и выучить невозможно – холодными ж руками смастачено!

Федя уже не слушал, он погрузился в игру. Отец присоединился к нему. Его тоже игра интересовала, ясное дело, больше гимна.

Стоит упомянуть, что на другой день вечером, в лесу, Федя увидел еще одного чужого – в зимнем спортивном костюме, вроде горнолыжного, и с импортным не то чемоданом, не то большой плоской сумкой. Он шел вроде от дома бабы Груши. Федьку он не заметил. Сам же Федор долго потом удивлялся – никогда такого не было, чтобы два чужих мужика в один день забрели в Оглухино, будто тут какая туристская точка. Ничего такого достопримечательного, что могло притягивать городских, в Оглухине не было. Хотя Федору его деревня очень даже нравилась.

А Олег встретил Лику случайно. Встретить ее он действительно никак не думал, иначе не остался бы в старой спецовке тети Груши, в которой колол ей напоследок на дворе дрова. Лике же он нес записку, которую хотел оставить в дверях, поскольку знал, что она вернется только часа через два. Записка была такая: «Жду тебя в девять у мостика. Очень важный разговор! Олег».

Он нес записку – и по дороге встретил Лику: она вернулась раньше. Он показал записку, скомкал и положил в карман спецовки, и они посмеялись над его нарядом. И уже не пошли ни к какому мостику, а погуляли по лесу, потом он проводил Лику к дому, зашел к ней (бабка

ее гостила – «гостевала», как говорили местные, – у кумы в соседней деревне) и поздно вернулся домой: тетя Груша уже спала и Анжелика, как он думал, тоже.

Говорят, что в деревне все друг у друга на виду. Но это летом, при длинном световом дне. А зимой – только в деревне можно вечером войти с девушкой в дом никем решительно не замеченным и так же незаметно выйти из дома среди ночи.

Никто не видел, как Олег вышел из дома Лики. Но зато его ночное возвращение домой соседями, как выяснилось позже, замечено было.

Он собрал вещи и, почти не спавши, в пять утра ушел на автобус – к поезду. Олег возвращался в Петербург – торопился на занятия, с которых отпросился на неделю. Вот почему ему важно было поговорить с Ликой в этот вечер – договориться, когда он приедет к ней в Москву.

А через два дня в Петербурге за ним пришли в общежитие с постановлением об аресте, заковали в наручники и повезли обратно в Курганскую область – на следствие по обвинению в убийстве молодой девушки.

Глава 17

Анжелика

Олег был родным племянником тети Груши, сыном ее единственной сестры, которая жила в Тюкалинске. Из Петербурга он прилетел в Омск, оттуда проехал на полтора дня к матери, а уже из Тюкалинска на попутках больше суток добирался в обратную сторону – через Абатское, Заводоуковск, Ялуторовск, Исетское – до Оглухина: тетя Груша сильно болела и просила приехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.